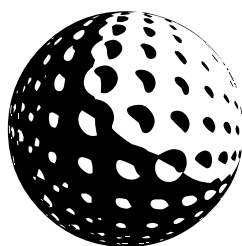

Собачий файл
□□□□□□□ □□□□

Собачий файл

Сергей Лукницкий

УДК 882
ББК 84(2Рос—Рус)6-5
Л84

Лукницкий С.П.
Собачий файл. — М.: «Русский Двор», 2008. —
112 с.

ISBN 5-88752-062-5

В оформлении книги использованы живописные работы В.К. Лукницкой «Агат и Каролина», 1992, грунтованный картон, масло, мастихин, 46x28, фрагмент; из цикла «Красная собака», 2001, картон, масло, 46x59; «Ночное Переделкино, Патриарший холм», 1989, холст, масло, 70x50.

ISBN 5-88752-062-5

© Лукницкий С. П., 2008
© ОАО «Русский Двор»,
2008

О СЕРГЕЕ ЛУКНИЦКОМ

Сергей Лукницкий был безусловной достопримечательностью нашей — теперь уже сильно поредевшей — переделкинской писательской общины.

Он был молод, красив, умен. И, не в пример многим, широко образован. Его талантов не счесть, но если говорить о его литературных занятиях, то он, кажется, не придавал им значения, хотя и здесь преуспел, сделав немало, и сделав добротню.

Мы были соседи по даче, но я не помню, чтобы Сергей когда-нибудь заговаривал о своих книгах. Когда они выходили, он скромно являлся ко мне на порог и дарил с самыми нежными надписями. В нем одновременно жили и нежность, и юмор. Собственно, подлинный юмор — родной брат нежности, или, если взять выше, любви. Юмор — дар доброго сердца. В повестях Сергея Лукницкого доброта ощущается везде, даже там, где автор, кажется, лишь иронизирует над своими персонажами. Впрочем, ирония исключается тогда, когда этими персонажами становятся любимая им собака или состарившаяся домашняя кошечка.

Все живое вызывало в нем отклик. Он любил наш переделкинский лес, свет солнца на верхушках сосен, сирень, цветущую по ту сторону разделявшего наши дачи забора.

Он знал, что природа, в отличие от людей, не желает никому зла, не предает, не завидует. В сво-

их, кажется, сатирических вещах он не обличал человека, а сожалел о нем. И, может быть, думал, что всем нам жилось бы легче, если б мы могли походить на деревья, ничего не знающие о соперничестве и вражде.

Часто Сергея не бывало на даче: он уезжал и приезжал, но когда на втором этаже в доме напротив зажигались окна, всем в округе делалось спокойней, потому что рядом появлялся кто-то душевно близкий.

Его последняя книга появится уже без него, и Сергей не сможет ее подписать тем, кому хотел бы ее подарить. Но когда она попадет нам в руки и мы откроем ее первую страницу, то в последних написанных им строках услышим стук его сердца.

*Игорь Золотусский,
лауреат литературной премии Александра
Солженицына 2005 года.*

Август 2008 г., Переделкино

БАСНЯ О КОТЕ АНТОНЕ

Я ехал *(так и тянет написать: на пере-
кладных до Тифлиса, но нет, конечно)* по
Подмосковью. Настроение было необычное:
гнал, что бывает со мною редко, надеясь
скоростью привести себя в норму.

Был уже на Можайском шоссе, когда
пошел дождь. В дождь ездить приятно, осо-
бенно если «воткнуть» передний мост, —
машина становится устойчивой, тяжелой и
послушной.

Однако пришлось сбавить скорость:
трактор разворотил обочину, комья земли
и глины оказались прямо на проезжей час-
ти, и я боялся, что машину занесет. Тут-то
и возник на бровке высокий человек в пла-
ще. Я не сразу заметил, что руки у него в
крови, а на руках кот с разодранным брю-
хом. Кот смотрел на меня с надеждой.
Я остановил машину и подобрал их.

— Подстелить бы, тряпочки у вас нет? —
спросил высокий.

— Да садитесь быстрее, — нетерпеливо
сказал я, — Дождь же. — И, когда они усе-
лись, рванул с места. — Куда?

— Можайск. По дороге?

— Нет, конечно, но довезу. В больницу кота?

— Да.

— Но в Рузе надежней...

Попутчик помолчал чуть-чуть.

— Ну, если для вас семь верст не крюк, поехали в Рузу. Вы не спешите?

Я спешил всю жизнь, но какое это имеет значение, когда рядом мучается божья тварь. Свернул в Рузу.

Но до Рузы не доехали. Недалеко от деревни Нестерово была ветеринарная больница. Кота там зашили, и я, склонный доводить всяческие истории до конца, отвез своих пассажиров в Можайск.

Возле Можайска мы познакомились. Кота звали Антон, а его хозяина — Николай Константинович.

— Прокурор района, — представился попутчик и посмотрел на меня, ожидая реакции.

Но никакой особенной реакции не было, я только сказал, что это забавно.

— Что же тут забавного?

— А забавно то, что я тоже прокурор, — ответил я, — только еще и книги пишу. А живу в Москве.

Николай Константинович промолчал. Позднее мы подружились. Жизнь его, характер и истории, в которых он участвовал, я описываю уже много лет. А героя своих многочисленных историй я назвал по имени деревни, где спасли кота.

С той памятной встречи минуло много лет. Николай Константинович был переведен в Москву. Я ушел из прокуратуры, завел собаку Штучку и кота Агата и продолжаю дружить с хозяином кота Антона.

Иногда я даю ему почитать его «истории» в моей интерпретации.

Он относится к ним серьезно, давая мне, однако, право сочинить то, что не успел или не захотел рассказать сам.

...Антон, заметно похудевший в последние дни, был пьян — второй раз в жизни. Первый — котенком, когда ему кто-то перебил лапу. Лапа болела, гноилась, и он день и ночь жалобно мяукал, больше не от боли, а от обиды на судьбу, которая под материнским брюхом обещала быть теплой и доброй, а оказалась...

Чтобы как-то облегчить страдания бедняги, его напоили валерьянкой. Запах валерьянки Антон помнил долго. Его пригрели, оставили в доме. Поначалу он боялся, что снова выбросят на улицу, а потом успокоился. Малыша раскормили, и за несколько месяцев он вырос в дородного красивого кота. Он, правда, слегка прихрамывал, но знакомые кошечки — да и он сам — находили, что хромота только добавляет ему шарма.

Антон мог бы считать себя баловнем судьбы, но даже когда есть все — чего-то не хватает. Во всяком случае, Антон все

блага кошачьей жизни принимал как должное, полагая, что это воздаяние за ужасы детства. Детство же уходило все дальше и дальше. Нежась на теплой печке, Антон постепенно забывал своих родителей, не мог даже представить себе, что отец его, вечно голодный романтик, погиб в схватке с собаками, защищая мать, а мать, родив вскорости шестерых котят, облезла и канула в неизвестность.

Антон вырос эгоистом и потребителем. Впрочем, в этом не было его вины: какой же кот откажется от сладкой жизни? Антон ни в чем не знал отказа. Мышей в их доме не водилось, поэтому он целыми днями валялся на печке, изредка выходя во двор покувыркаться в снегу, а летом и весной развлекался тем, что прятался в бурьяне, подстерегая неопытных кошечек.

Этот барственный уклад воспитал в Антоне чувство превосходства не только над кошками, но и над людьми. Правда, злые языки поговаривали, что свой характер кот унаследовал от хозяина. Но как бы высоко ни задирал Антон нос, он всегда подсознательно ожидал, что его обидят. И боялся. Только кому бы пришло в голову обижать такого ухоженного кота, тем более кота главного бухгалтера совхоза?..

Со своими кошачьими соседями Антон не знался, терпеть их не мог. Даже когда хозяин выгнал из дому приведенную, было, Антоном кошку, тот несколько не огорчился,

не пришел к ней на помощь. Он понял: рай — для него одного. Другим в раю места нет! Кота нисколько не интересовало, кто его кормит, сколько человек живет в доме... Даже полное одиночество не страшило Антона — если, конечно, в доме было что поесть.

Однажды Антона пригласили в гости. И вот в связи с чем.

Антон не потрудился запомнить дочь хозяина, которая когда-то подобрала его и выходила. Тем более что она вышла замуж и переехала на другой конец села. Это она взяла Антона погостить, но занималась больше мужем, чем котом. Антон, недовольный, вернулся убежденным домоседом. Но, конечно, он немного кривил душой, думая, что ушел из-за мужа. Дело в том, что в молодой семье уже жил серый кот, также претендующий на свое место под солнцем. А под одним солнцем, да еще в одном доме, трудно ужиться двум философам-эпикурейцам. Вот и показалось Антону, что в гостях и еда не так вкусна, и печь не так тепла...

Дома Антон сразу дал понять, что хозяин — он. Михаил Федорович, совхозный главбух, не возражал — после смерти жены и замужества дочери рядом не осталось никого, кроме кота. Книг главбух не читал, вечера проводил исключительно перед телевизором. Антон тоже любил телевизор. Возле этого ящика, переливающегося весен-

ними цветами даже в самую лютую стужу, он часто получал что-нибудь вкусненькое.

Именно в такой вот безоблачный период никчемной кошачьей жизни произошло то, что круто и обидно изменило эту жизнь.

Однажды к хозяину пришел директор совхоза и попросил:

— Михаил Федорович, приюти товарища из района на одну ночь.

За полчаса до этого визита ничего не подозревающий Антон, по обыкновению своему, свернувшись калачиком, спал. Чем-то встревоженный в последние дни Михаил Федорович подбросил в печь пару больших поленьев, поворошил кочергой золу, распушил сноп искр и вспугнул разомлевшего в жаркой избе Антона. Тот вскочил, было, но, узнав хозяина, мяукнул для порядка и вновь растянулся на печи.

Он дремал, зная прекрасно, что еще совсем немного посопит и пошелестит бумагами хозяин, потом покряхтит и тоже уляжется в постель. Знал он и то, что завтра его ждет такой же бесконечно долгий серый зимний день. Антон наслаждался теплом и сытостью и полагал, что так будет и завтра, и послезавтра, и всегда. А о том, что будет после «всегда», лишенный воображения кот не думал. Правда, иногда ему казалось, что потом наступит бесконечное царство незабываемого запаха валерьянки. Но пока размышлять об этом было рановато,

и кошачье сегодня веяло обычным, спокойным однообразием. И вот в этот-то самый момент раздался неожиданный — а потому тревожный — стук.

Михаил Федорович отодвинул засов и открыл дверь, а Антон только лениво и нехотя, с видом истинного хозяина дома, чуть-чуть повернул голову. Говорил, судя по голосу, директор совхоза. Кот отличал директора совхоза, который никогда к нему не приставал, не брал на руки, как другие гости, не гладил и ничего не обещал; относился к Антону, как положено, вежливо, и с чувством подчеркнутой любезности, но без фамильярности.

Кот прислушался: судя по интонациям, директор что-то просил. А еще, если судить по двойной порции пахнувшего холода, входная дверь впустила не одного человека.

Рядом с директором стоял высокий незнакомец с портфелем. Он вел себя скромно, но Антону не пришелся: кот был консерватором и нового не любил.

— Так пусть у тебя переночует товарищ, а завтра я его устрою, добро, Михаил Федорович? — и директор — это кот сразу увидел — подмигнул главбуху.

— Отчего же не добро, места не жалко, оставайтесь, — проговорил хозяин Антона, тайком понимающе кивая директору.

— Ну и ладно, — сказал директор.

Потом они вышли в сени и о чем-то тихо

заговорили, а гость остался в избе и, не обращая внимания на кота, стал разглядывать комнату.

Вскоре вернулся хозяин. В руках он нес запотевшую с холода бутылку и похожий на лед кусок свинины. Антон, предвкушая близкое угощение, потянулся. Но гость — чего кот уже совершенно не мог понять — от сала и водки отказался. И этим, конечно, не показался коту еще больше. Но приезжий, видимо, обладал какой-то властью, потому что хозяин покорно, хотя и с прибаутками, убрал со стола словно нечаянно выставленную снедь и принялся стелить гостю возле самой печи.

Обидевшись на все сразу, кот отвернулся от гостя и уже больше не поворачивался. Слышал только, что хозяин покряхтел у себя на кровати, да и захрапел. Приезжий зевнул тихо и как-то вкрадчиво и тоже заснул. Он спал так беззаботно, что Антону сделалось не по себе. В темноте он ясно видел спящего, и был тот спящий неприятен коту с самого начала и всю ночь, и от этой неприязни кот даже не смог заснуть.

Чувствовал ли Антон, что именно этот спящий отнимет у него хозяина и принесет проблемы в тихую и несложную кошачью жизнь, или нет, но только ночью ему почему-то стало жалко хозяина. Он даже хотел вцепиться приезжему в физиономию, но, решив, что это будет не гостеприимно, воздержался. Задумавшись, свернувшись ка-

лачиком в остывающей избе, кот вдруг уловил движение там, где должен был посапывать во сне приезжий. Кот дернулся, повернулся, раскрыл умеющие видеть в темноте глаза и сообразил, что приезжий встает с постели и, зябко поеживаясь, подходит к самой печке, на которой, собственно говоря, и лежит удивленный и чуть-чуть испуганный Антон.

В темноте кот видел гостя прекрасно, а вот гость кота — да и все остальное — вряд ли, потому что передвигался ощупью, мягко и тихо касаясь печи руками. Антон шевельнуться побоялся. Хотел позвать хозяина, но от испуга не позвал, забыв, что человек его не видит, все больше прикивая к чуть теплой уже печи.

Приезжий, наконец, нащупал то, что искал, — резко задвинул печную заслонку и, юркнув в кровать, больше уже не пугая кота, заснул. А кот все маялся, гадая, зачем это приезжий закрыл заслонку в печи, пока не понял, что тот попросту замерз.

Разбудил кота страшный кошмар. Снились ему кошки, но не обыкновенные, а синие, розовые, зеленые. Они то двоились, выходя одна из другой, как матрешки, то превращались в одну большую кошку, фиолетово-красную, а кончики усов у нее были оранжевые, и полыхали огнем. И эта кошка и манила, и пугала Антона неудержимо.

В довершение ко всему странная кошка дико захрипела, и тут уж напуганный Антон окончательно проснулся. Прислушался: хрипел приезжий. Ничего страшного, но Антону вдруг захотелось выйти на свежий воздух. Нестерпимо заболела голова. И кот, не весть с чего, вспомнил: нельзя закрывать печную заслонку, от этого бывает угар.

Это страшное слово мигом отрезвило Антона. Он принял решение и грузно прыгнул на приезжего.

— А, что? Кто? — подскочив, заголосил приезжий.

— Мяу, — дико завыл Антон, — ты что, очумел, — заслонку закрывать?! Чай, не в городе при паровом отоплении, мяу!!!

Приезжий ошалело затряс головой, потом поднялся с постели и опрокинул стул.

— Мяу! — вопил Антон. — Дверь скорее открывай!

Человек кота не понимал. Но, славу Богу, в это время из-за перегородки появился хозяин. Он пошел к входной двери, распахнул ее, да вдруг упал, тут же, на пороге. Но свежий морозный воздух уже хлынул в избу. Антон стрелой вылетел на улицу, а, чуть отдышавшись, вернулся в дом. Хозяин по-прежнему лежал у двери. Перепуганный Антон помчался к комнате, где дико и истошно завыл, снова обращаясь к приезжему.

Тот наконец-таки понял кота, собрался с силами, поднялся и, шатаясь, словно пьяный, потащился к входной двери. Там, на свежем воздухе, в одном исподнем, он стоял довольно долго. А когда мутный взор его обрел ясность, приезжий заметил лежащего на пороге хозяина дома и, медленно нагнувшись, попытался привести его в чувство. Потом, верно сообразив, гость на секунду оторвался от хозяина, заскочил в избу и открыл злополучную заслонку, с которой все и началось.

Чуть только хозяин слабо зашевелился, приезжий, наспех одевшись, побежал на улицу. Кот услышал шум, топот, а через несколько минут возле избы появился человек в белом халате, и Антон стал волноваться меньше. Он почти успокоился, когда увидел, что хозяин, внесенный в уже проветрившуюся избу, пытается встать с кровати. А когда появилась дочь хозяина с мужем и захлопотала, Антон успокоился совершенно.

Но зато приезжий вдруг сник и упал прямо посреди комнаты, силы оставили его.

Это происшествие было, пожалуй, самым неприятным в жизни Антона. А потом опять все пошло по-старому. А может быть, и нет: что-то переменилось в хозяине. Стал он нервным, много раз переспрашивал «кто там?», когда слышал стук в дверь, пугался телефона. Кормить кота он, впрочем, не забывал. А потом Антон заметил, что боль-

ше всего боялся хозяин именно того приезжего, который ночевал у них, — верно, думал, что тот им опять угару наделает.

И невдомек было мохнатому зверю, что хозяин его был вором, а приезжий — следователем.

Прошло еще время. И настал несчастный день, когда хозяин дрожащей рукой погладил кота и вышел вон из избы. Антон услышал на улице голос того самого приезжего и понял: пришла беда.

А потом какие-то люди появились в избе, пересчитали все, что там было, дали, правда, кое-что забрать дочери. Антон думал, возьмут и его, испугался и спрятался под печь. Может, зря: дочь его не заметила, а он выбрался из-под печи, когда она уже ушла. А тем, другим, кто описывал имущество, до кота дела не было. Кот мешал — и его попросту выбросили на улицу.

Теперь Антона некому было кормить, он побирался по деревне, выпрашивал у ненавистных и презираемых некогда собак подаяние, а они большей частью только ворчали на него.

Быть может, впервые по-настоящему он почувствовал горечь бытия, когда возвратился домой и увидел, что входная дверь его дома заколочена. Он постоял, потом пробрался в избу через разбитое окно. В доме было холоднее, чем на улице. Антон не мог в это поверить, прыгнул на печь, прежде ласкавшую его своим теплом. И в ужасе

соскочил на пол: печь была холоднее льда, хотя на дворе уже всю пригревало весеннее солнышко. Тревожно замыкав, кот огляделся: в избе не было мебели.

Он выскочил на улицу. И пошел, куда глаза глядят. И вдруг вспомнил детство. И у него заболела раненная в детстве лапа. И — запах... Запах доносился из избы-амбулатории. Дверь была приоткрыта. Антон несмело вошел и увидел большую комнату со стеклянными столами и стенами, за которыми лежали какие-то белые маленькие коробочки, стояли пузырьки.

Антон пошел на знакомый запах валерьянки. За одним из стеклянных столов он отыскал опрокинутую кем-то пахучую склянку и принялся жадно лакать. Краешком глаза он видел, что к нему подходит женщина, белая с ног до головы, но оторваться уже не мог.

Он не помнил, как очутился на улице. Все плыло перед глазами. Кот медленно пошел туда, где надеялся отогреться и поесть, — к дочери хозяина. Но дверь была заперта, а возле дома гавкала собака, гнала Антона прочь. Но от валерьянки проснулась в нем сила необычайная. Расцарапав собаке нос, кот загнал ее в угол двора, потом жадно съел все, что было в собачьей миске, и, зашипев для порядка, выскочил на улицу. В этот момент по грязной весенней улице проезжал уазик. Пьяного кота повело... Пытаясь отпрыгнуть, он с ведрным стуком ударился

о бампер машины, сделал сальто в воздухе, плюхнулся на обочину, порвав брюхо о торчащую арматуру, и — и потерял сознание.

— Куда же тебя несет? — Антона держал на руках тот самый приезжий. — А не тебе ли, котяра, я жизнью обязан? Ты, что ли, меня от угара спас?

— Точно, Антон это, — раздался знакомый голос с заднего сиденья.

Там, между двух молчавших людей в серых шинелях с погонами, сидел хозяин Антона. Их глаза встретились. Но Антон сделал вид, что ему сейчас не до того, и не понимает он, что хозяин арестован. Кот отвернулся — и никогда больше не видел Федора Михайловича.

— Ну ладно, долг платежом красен, — сказал следователь, — поедешь жить ко мне. — И он погладил кота. — Но сперва в больницу.

— Да выбрось ты его, Николай Константинович, — сказал один из милиционеров.

Но Нестеров кота не выбросил. Он вылез из машины, завернул кота в какую-то хламиду, и пошел ловить попутку — не хотел задерживать правосудие.

Шел дождь. На трассе показалась машина...

И зажил Антон в семье Николая Константиновича. Кормили его хорошо, баловали. Кошек в райцентре было, правда, меньше, чем в деревне, но зато все они были городс-

кие, интеллигентные. Валерьянку Антон больше не пил — не с чего: на пансионе у юриста второго класса жилось ему беззаботно...

... — Вы когда об этом писать рассказ будете, — попросил меня Николай Константинович, — Как-нибудь дайте в конце резюме, мол, кот потому под машину попал, что пьяным был... А еще напишите, мол, давно пора заменить в деревнях угарные печи на паровое отопление...

ИНТЕРВЬЮ СОБАКИ ШТУЧКИ

Возможно, собака по имени Штучка — не всамделишная, может быть, она чего-то не понимает в человеческих писательских делах, но интервью получить у нее удалось легко, вероятно, она не знает о добрых традициях общества — непременно облаивать журналистов, и не читала монографию своего хозяина «Россия и печать: век антиСМИ-итизма» Москва, Правовое просвещение, 1998 г.

Интервью состоялось в собачьем клубе, где наша героиня получала сертификат на право покупки авиабилета для поездок в акватории Шенгенского соглашения.

Корр. - Итак, госпожа собака Штучка, наш первый вопрос: почему и как Вы стали писателем, кто и что на Вас повлияло? Каковы Ваши планы и мечты?

Штучка. - Вспомните переписку Меджи и Фидель из Гоголя, вспомните Булгакова, Сашу Черного, Толстого, Чехова, а те, кто любит Запад, пусть вспомнят Стейнбека и Джерома. Мне в этой жизни повез-

ло. Моим собачьим провидением я оказалась в удивительной семье, и потому я именно такая, какая есть.

Писать я начала рано, еще в детстве, когда узнала, что у моего любимца, друга и хозяина, когда он был маленьким, жили разные замечательные зверюшки. Черепаха Даша, лохматый серый кот Пижон, разноцветная кошка Фифа, сиамка Катерина, неизменно с четырьмя детьми от разных мужей, ежи Фомка и Ромка, кролики, голубые с желтым попугай нонсепарабли, тойтерьер Кузьма и овчарка Джек. Кузьма почти целиком помещался в пасть Джеку. И так они день-деньской носились по переделкинскому саду...

Кстати, самым первым был пес Чук. Именно он был удостоен чести охранять только что пришедшее в этот мир человеческое существо, моего (будущего) хозяина, впоследствии так много сделавшего для нас — литературных собак... Чука даже называли комендантом городка писателей «Переделкино», где я живу по сей день и пишу свои вирши. Вот скоро появится перед Вами история собачьих Ромео и Джульетты! Был еще замечательный пес Буран... Впрочем, я, кажется, отвлеклась!

Недавно я ездила на воды, чтобы набраться новых впечатлений. В Карловых Варах стояла поздняя осень. И, скажу я вам, лучше Карловарская осень, чем Пражская весна. Для меня был приготовлен шикарный

номер, шведский стол в ресторане, делегация чешских болонок-мальчиков. Лучшие повара готовили мне еду. Но чтобы добраться до всех этих прелестей, я вынуждена была сидеть, как колодник, в ящике, похожем, скорее, на переносную тюрьму. Одно утешало: настоящий писатель должен испытать и такое.

К сожалению, мой хозяин не смог преодолеть бюрократических препятствий, хотя и дошел до заместителя министра Таможни. Таможня согласилась с тем, что уважаемую писательницу не надо просвечивать рентгеном на предмет контрабанды наркотиков. Полистав мои книжки, начальник Таможни сказал подчиненным, чтобы те не вторгались в писательский мир. Ох, уж этот мужской род, все-то они хотят пощупать руками. После процедуры таможенного «ухаживания» люди в красивых формах написали в графе «багаж»: пудель, карликовый, серебристый, 4.900, и выписали сертификат.

Корр. - Какая у вас семья?

Штучка. - Живу с приемной дочерью Люсей — роскошной пышнохвостой кошкой. Хвост ее не только пышен, он всегда перпендикулярен телу! Он торчит, как дымящая труба на заводском комбинате. Пушистая, разноцветная торчащая в небо труба.

Мы с Люсей живем вместе... Вы понимаете, что значит жить с великовозрастной до-

черью рядом, какие это проблемы? Дон Жуан всех окрестных кошек — Зеленый кот — ежедневно приходит к ней в гости. Она любит проводить время в его обществе, прогуляться по саду, но как все настоящие женщины, она сначала накормит его. Однажды раненого, с разmozженной головой, она буквально на себе притащила к нам Зеленого! Что делать — выхаживали все вместе... Сейчас он поправился и настаивает на постоянной регистрации в доме.

Я понимаю! Я сама дважды была замужем. Мужья: бурный, темпераментный Гоша и Юм, нежный и трепетный. Дети, естественно, появились от Гоши. Иногда я навещаю своего сына, названного в честь отца, и дочь Юню и радуюсь их генетическому совершенству. Они так похожи на меня и мужа! Остальные дети живут отдельно, а мужья... тоже отдельно. Впрочем, в некотором смысле я вдова. Да что мужья! Вот о возлюбленных писатели и — особенно — писательницы могут говорить часами. Возлюбленные — это наш хлеб. В прямом и переносном смысле. Возлюбленные делятся «Педигри», возлюбленные вдохновляют... Возлюбленные — это моя гордость: Муму Герасимович, известный юрист, и Найт, черный как ночь кокер-спаниель (с очаровательной хозяйкой Наташей). Знаете, честь дамы составляют те мужчины, которые выбирают ее из тысяч болонок и пуделей, мавританок и француженок...

В Карловых Варах мы часто гуляли по набережной Теплы, смотрели на уток. Меня неизменно сопровождал мой хозяин, повелитель и Бог — Сергей Павлович. Когда я была маленькой, я думала, что он мой папа. Когда подросла, я решила, что это мой жених, но теперь, когда я стала опытной и мудрой, я понимаю — такой хозяин дается один раз на все десять жизней.

Корр. - Ваше творческое кредо?

Штучка. - Сейчас все в моей жизни — хорошо, а в молодости приходилось даже публицистикой заниматься... Одну из моих статей того времени, приведу полностью. Шел голодный 1991 год. Надо было поддерживать население. Кто, как не мы? И я написала тогда:

«Здравствуйте, уважаемая редакция! Меня зовут Штучка. Я маленькая, но собака. Не удивляйтесь, пожалуйста, что я пишу это письмо сама: многие теперь умеют писать, а собака супруги Президента США госпожи Барбары Буш даже выпустила книгу о жизни в настоящем Белом Доме.

Пишу Вам потому, что меня, как и многих, сегодня волнуют проблемы моей страны. Слышала я, что от невзгод люди начали звереть. Так вот я, собственно, и взялась за перо, чтобы опровергнуть это утверждение. Я частенько сопровождаю свою любимую хозяйку в магазины. Раньше я ждала ее дома, а теперь — очереди... Она уходит

на целый день, и я стараюсь скрасить ей минуты ожидания. Люди уже узнают меня, улыбаются, и я рада, что могу хоть как-то разнообразить их “очередное” существование.

Я уверена, что, если бы каждый из нас, собак и людей, сумел скрасить жизнь ближнему, нам всем было бы легче перенести этот переходный и очень невкусный период.

Однажды я должна была с невесткой хозяйки куда-то ехать на автобусе. В этом автобусе случилась со мной страшная неприятность: мне дверью прищемило лапу. Боль, кровь! Лапу распорол металлической створкой... И тут случилось чудо: люди, которые ехали в автобусе, стали проявлять ко мне участие! Кто-то пожертвовал носовой платок, у кого-то нашелся йод, а кто-то просто погладил... Ведь это так важно: тебе плохо, а тебя — гладят!

Но и это не самое главное! Водитель автобуса в микрофон обратился к пассажирам с предложением доехать (тут недалеко, у него тоже есть собака, и он знает где) до ветеринарного пункта. И все согласились, хотя, наверное, спешили по своим делам. Кстати, в том ветеринарном пункте мне зашили лапу, и сейчас я уже почти не хромаю. Но я не могу не помнить добрых людей и водителя сто восьмого маршрута. Собаки вообще не забывают добро, и в этом плане некоторым людям стоит брать с нас пример.

Вот почему теперь, когда я слышу, что люди звереют, согласиться с этим не могу...»

Письмо возымело успех. Люди перестали зверствовать. Демократия стала побеждать. А мне ничего не оставалось, как продолжать свои писательские изыски.

Корр. - Интересные случаи из вашей жизни.

Штучка. - Вспоминаю раннее детство. Меня тогда только что забрали от мамы. Я была крошечной и все время плакала. Но мой хозяин взял меня на руки и согрел. В это время он уходил из Министерства внутренних дел, переходил на новую работу. Заместитель министра сказал ему тогда: «Слушай, Сергей Павлович, у нас традиция... Напиши своей команде представление на следующее звание. Ты уйдешь, я подпишу, а потом скажу: подвел. Но ты будешь уже далеко, а ребятам — приятно».

И с этими словами дал ему шесть пронумерованных бланков-представлений на очередное звание. Но у Сережи был отдел, состоявший из пяти сотрудников. Впереди маячило первое апреля, и он решил пошутить: на шестом бланке он написал представление мне. «Штучка, собака, Москва, адрес, характеристика»... Уволился...

Недели через три (дошло!) звонят кадровики:

— С ума сошел, на твою собаку довольствие выписали на год! Кто портупею теперь выкупит?!!

Так что я хоть и серебристая кудряшечка, но состою в офицерском чине. Поэтому с полным правом пишу собачьи детективы. Кроме того, не советую кому попало ко мне приближаться!

Корр. - Ваше отношение к политике.

Штучка. Вообще-то, я не аполитичная собака. Я была знакома с самой Раисой Максимовной, даже заворчала на нее, когда она сделала замечание моему хозяину. Хорошо, что у нее хватило тогда чувства юмора...

Кроме того, я присутствовала на защите хозяйской докторской диссертации в одной Академии, посмотрела там на голосовавших... Ощущение диссертационного совета — как от винокуренного завода. Нам с хозяином не понравилось!

В общем, мое отношение к политике не однозначно. С одной стороны, политика — веселая игра, наподобие бросания мячика — а я с детства обожаю вратарствовать! А с другой, — иногда так и хочется обратиться к собакам членов Государственной Думы: да вразумите вы их!

Как раз недавно она — Дума — вынесла на рассмотрение Федеральный Закон «О защите животных от жестокого обращения». В нем много забавного: «домашние жи-

вотные — это одомашненные, бродячие и одичавшие (...) за исключением беспозвоночных, паразитирующих на человеке», или «разведение животных с наследственно закрепленной повышенной агрессивностью», или «естественная активность, а также страдание животных», или «запрещение использования животных в учебном процессе и содержания их в детских учреждениях»... Закон начинается с преамбулы: как быстро и безболезненно умертвить животное! Кстати, на эту тему состоялась у меня недавно переписка с возлюбленным другом моим Муму Герасимовичем...

«Милостивый государь мой, Муму Герасимович!

На днях получила весточку от Вас, и долго не могла ответить по причине легкого недомогания. Не извольте тревожиться, недомогание было действительно шуточным, не заслуживающим и того, чтобы писать Вам о нем в этом послании, кабы не арест нашей соседки — за легкомысленность.

Ох, недоброе время! Чует мое собачье сердце, скоро начнутся политические репрессии за плохое отношение к животным. А что, очень симпатичный способ посадить человека за решетку или отсудить кругленькую сумму. Но вы-то не думайте о плохом! Теперь, говорят, Закон есть о нашей с Вами защите. Тот Закон, говорят, обязывает оснащать наши будки по последнему слову техники, чтобы даже температурно-влаж-

ностный режим был соблюден какой надо. Правда, не пишут, а какой — надо? Но вот цепи там всякие, а то и поводки, придется в стране отменить: ограничение свободы передвижения. Правда, при этом надо надевать намордники. Вот ведь! В стране такая трудная ситуация, да, видать, судьба зверюшек — важнее. Сим и заканчиваю писать, пора подавать голос: кто-то к дому подъезжает.

*Преданная Вам,
Ворбонсине Штучка».*

«Душечка моя, Штучка!

Был чрезвычайно тронут Вашим повествованием о страданиях жизни в неволе, до глубины души взволнован несправедливостями, достающимися моему ангелочку. Как же Вы пишете, чтобы я не тревожился? Да разве можно не тревожиться? Оно так-таки прямо непременно необходимо тревожиться Вашей болезнью, Педигри всей жизни моей! Выслушайте старика Муму, примите робкую его заботу о Вашем будущем... Узнав о постигшем Вас несчастье, обратился я к талмудам и свиткам, дабы найти в них хоть кроху справедливости по отношению к нам, кобелям и сукам. Дай, думаю, узнаю, есть ли правда на свете. И ведь есть, злодейка-матушка! Наши братья из Государственной Думы уже выносили, уже, того гляди, разродятся, а точнее, душа моя, оценятся законом о нашей защите. Вот радости-то будет у нашего брата!

К примеру, заведется у Вас в Вашем расчудесном домике мышка, а мы соседку-то Вашу — цап — и к ответственности! Поделом ей — за непригляд и издевательство над психикой кошки Мурмявы.

Потерпите еще самую малость, голубушка, будет и у нас Юрьев день!

С пламенным парламентским приветом, Ваш верноподданный Муму Герасимович, целую Ваш мокрый носик, лапочка моя ненаглядная».

«Милостивый государь мой, голубчик Муму Герасимович!

А на прошлой недельке было у нас столпотворение инспекторов из Управления по борьбе с отделом дезобработки. Изволили Вы мне сообщить, как отзовется на моей добрейшей нашей соседке моя бессонница, так я возьми и щелкни зубками ту мышку, дабы не повадно было устраивать провокации. А тут, как на грех, пришел инспектор и увидел мышку в стрессовом состоянии. Что тут началось! Обвинили во всем нашу соседку и забрали в участок до выяснения. Мышка ожила, правда, кошка Мурмява ее тут же и скушала живьем, невзирая на травматическое мышкино «пи-пи», только тогда соседку и освободили — за отсутствием доказательства, самой, стало быть, мышки. Инспектор еще кричал, что мышки тоже домашние животные, хотя и дикие. Дескать, жить они должны в состоянии естест-

венной свободы или, по крайней мере, в неволе, но никак не в состоянии шока, а ловить их и убивать варварскими методами, и тем самым посягать на общественную нравственность — безнравственно! Вот, мол, если бы вы блоху убили или замучили, тогда — пожалуйста. Общественная нравственность останется на том же высоком уровне. А мышку — не трожьте! За мышку — ответите!

Вот такие невеселые новости в нашем животном мире! Теперь и косточку поглотить побоишься.

Закон я выучила, но никак не пойму, добрый мой Муму Герасимович, это что же — теперь и у нас, у зверьков всяких, тоже будет политика? Ну, может быть, я неверно изъясняюсь! Но ведь как же, мудрейший Муму Герасимович, ну, ведь написано же в том Законе, что теперь в области защиты животных осуществляется какая-то государственная политика. Вот, например, стандарты воспитания нравственности и любви к животным... Добрейший Муму Герасимович, тогда подскажите мне, *Vorbonsine*, далекой от политики, почему же в том Законе только три понятия объяснены в первой статье, и первое из этих трех — понятие эвтаназии. Инспектор, вот, тоже все кричал над мышкой: “автаназия, автаназия!” Может, он перепутал, может, это он так автономии для мышки требовал? И смысл этих понятий чем-то схож?

А вот еще, милый друг мой, в законе говорится о правах граждан в области нашей с Вами защиты, и почему-то в качестве одного из прав по защите указана возможность посещения мест содержания и использования животных. Уж, не грядут ли великие репрессии по помещению нас всех в места “содержания и использования”?! А еще у граждан и организаций есть право содействовать органам! Немножко неправово звучит, но и на том спасибо. Вот только не будет теперь у граждан права защищать своих любимцев и вообще их иметь! А к домашним животным там почему-то приравнены одичавшие и бродячие.

Как раз третьего дня под нашими окнами дебоширила совершенно одичавшая при виде слона Моська, и я бы не сказала, что она выглядела добропорядочной домашней левреткой, так брехала... Мол, сами мы звери не местные и прочее...

А соседи наши из угловой будки привезли недавно из Египта крокодила. Крокодил нервный, но отходчивый, потому что соседи его одомашнили.

Миленький Муму Герасимович! Умоляю, разъясните мне, домашний ли зверь этот антихрист из Египта, а то на масленицу соседи звали нас с хозяйкой в гости... Или же, может, это двухметровое счастье находится в “полувольных условиях”, то есть полупулегальных, и принадлежит к сословию диких?

С нетерпением, Ваша Штучка».

«Наипушистейшая Штученька, собачий ангелочек мой!

Крокодил из Египта вообще, по-моему, не животное. Во всяком случае, не собака. Очень похож, конечно, на бультерьера, но кожа ценится больше. Кусаются и законов не читают. Это я и спешу Вам сообщить, ласточка моя кучерявая!

В остальном же — Вы правы. Жили мы как-то худо-бедно без защиты. Теперь вот на нашу ушастую голову озабоченные депутаты взялись нас защищать, но думаю все ж таки, душечка, это у них от тоски по животному миру. По миру вообще! Сидят ведь, бедные, в своей Думе с утра до ночи, света белого не видят, не говоря уже о собаке какой-нибудь, или — не к ночи будет сказано — кошечке... А попроси нарисовать лошадь, ведь гиппопотама нарисуют! Вот откуда эти крокодилы и берутся: из Думы. Где уж им, представителям народа, собачку завести? — Все по-крупному: заводите — так страну. А вот бы им каждому по собачке — и защищай себе на личном примере.

Кстати, одно хорошо в том Законе. Могут! Могут граждане и организации обращаться в суд с исками (?) об изъятии животных в случаях жестокого с ними обращения. Я уже воспользовался. Барыня приказала наемни Герасиму вывести всех тараканов за пределы ее маразматической головы. Мы составили петицию в Общество охраны: дескать, тараканов обижают. Общество

приехало и изъяло всех тараканов, а заодно и меня, потому что усмотрели в обращении моего хозяина со мной недостаточность общения. Сбежал я по дороге, вернулся к своему убогому Герасиму, вот, дочитываю Закон...

Оказывается, благороднейшая моя Штучка, что неправомерно умерщвлять нас с Вами. Но с другой стороны, если побои, увечья и прочие истязания не причиняют Вам страх, боль и страдания, то их наносить можно. Осталось нам с Вами, прелесть моя, научиться принимать побои, демонстрируя страх. Тогда побои будут — незаконными. Эх, Каштанка не слышит!..

Кстати, была бы жива Каштанка, ее не смогли бы привлечь к работе в цирке, потому что эта работа приводит к травмам и потере здоровья, хотя, с другой стороны, использовать животных разрешается. Вот и гадаю я, душечка, как же можно вообще использовать животных: в качестве поводырей, в индустрии развлечений, в этом лошадином спорте, как он там называется... На охоте можно, еще — в коровниках и курятниках. Но ведь даже коровам сейчас одевают на вымя эти, как их... Электроприсоски! Они, депутаты, думают, это приятно? Значит, и это нельзя? А молочко? А баранов стригут — налысо! Спросите у Зюганова! Нет, не потому что он лысый, а потому что... А как курицы рожают эти огромные

яйца? Вы когда-нибудь заглядывали в глаза матерей-героинь? Впрочем, куда там! Курица же не человек! То есть, не зверь! Хотя от такого Закона и курица озверееет...

Я бы еще запретил звериную порнографию на телевидении, раз уж мы о нравственности... Тут уже и про породы говорят прилюдно. Чем не нагнетание национального вопроса? Хорошо быть дворнягой! Был у меня знакомец — мало того, что доберман, да еще и пинчер — вообще чуть не наложил на себя лапы. А каково пекинесу или ротвейлеру? Но, если честно, нас большинство: фоксы, далматины, эрдели, шнауцеры... Попробуй с таким происхождением пробиться в Думе!

Вот еще что! Докладываю Вам, что диких зверушек теперь по государству будет превеликое множество. Пусть живут и развиваются, ибо проведение на животных операций, не являющихся оказанием ветеринарной помощи или проведением экспериментов, запрещено. Вы спросите, какая связь? Невинное дитя, легкокрылая Штучка! Ну, посудите, какая же это ветеринарная помощь — кастрация? Вот и будут гонять котята и щенята по всей Руси великой, как по Африке — саранча. И скажите спасибо, что у нас в Средней полосе не водятся слоны...

Хорошо, хоть беспозвоночных не тронули, в покое оставили. Амебы, инфузории-туфельки, сине-зеленые водоросли, береги-

тесь! Теперь вы остались без защиты депутатов Российского парламента! А ведь блоху надо было в Закон вписать. Все-таки народное достояние! Сам Лесков за нее ходатайствовал...

Жаль, душечка, что депутаты не предусмотрели в Законе ответственность за самоубийство животных после вступления в силу самого Закона. А раз так, пойду-ка я попрошу Герасима, может быть, он найдет выход из этой трясины и решит разом всю мою жизнь, поставленную в рамки и регламентированную грамотеями, вроде нашей барыни. А что? В целях прекращения страданий животных — Законом разрешается.

Ваш бесконечно любящий Муму Герасимович.

P.S. Совсем забыл! Сегодня я, наконец, дозвонился одному депутату, потребовал переписать Закон о защите животных. Так он такой лай и скулеж устроил, сказать стыдно...»

Корр. - Есть ли у Вас хобби?

Штучка. - Безусловно. Главное мое хобби: я страстная вратарщица. Не пропускаю ни одного гола в ворота. Ни одного гола! Это у меня от моей мамы — знаменитой среди ребятишек голкиперши. Ну и еще, такие маленькие «хоббики»: люблю массаж, млею, кайфую, выгибаюсь как змейка, когда меня им балуют. Люблю поднимать

ушки вместе и — еще больше — по одному, когда прислушиваюсь к беседам обо мне; люблю поговорить в машине, подсказать дорогу к нашему дому или даче, обожаю попеть на животе у своей мамочки-хозяйки... Словом, мое хобби: быть веселой и радовать близких.

Корр. - Вы упоминали о Карловых Варах... А в каких еще странах Вы побывали?

Штучка. - Да, было много поездок, в том числе и зарубежных: Турция, Италия, Франция и Испания, Греция и вот — Чехия. Всего не расскажешь. Об этом мною была написана книга «Их собачья жизнь».

Корр. - Значительный эпизод вашей жизни.

Штучка. - У нас с богохозяином — такой неразъединимый альянс! Я ожидаю его с работы у ворот часами. Не шевелюсь, боюсь пропустить сигнал машины и щелканье открывающейся дверцы. Чтобы впрыгнуть. Когда он возвращается и загоняет машину в гараж — я всегда рядом. В смысле, с ним, за рулем. Не потому, что он сам не может — хотя он действительно не может без меня! — а просто потому, что нам так хорошо... Такой интимный ритуал!

Однажды я не успела добежать. Это было ужасно! Он загнал машину в гараж! Он от-

крыл дверцу. Увидел меня. Нагнулся... Я, в слезах, лизнула его в лицо... Он все понял! Не раздумывая, выехал из гаража — и заехал туда уже как положено: со мной, счастливой маленькой собачкой Штучкой.

СОБАКА ДОБРОЕ УТРО

Дом был почти таким же славным, каким я знал его много лет. Я знал когда-то и всех обитателей его. А обитали там три семьи, каждая — в свой черед. Для непосвященных объясню: глава семьи, служивший литературе, как это часто бывает на свете, уходил из жизни, или из литературы. Тогда дом передавался следующей «литературной» семье.

Четвертый хозяин был иностранец.

Мода на импорт докатилась и до Литературного фонда, поэтому новоиспеченный бизнесмен Битце Бейстоаа стал жить в писательском городке Переделкино, нимало не заботясь о том, что к писательскому ремеслу он не имеет никакого отношения и даже книг в доме не держит.

Невзирая на отсутствие книг, я посещал этот перестроенный переделкинский особнячок довольно часто. Посещал потому, что кроме красного носа и синих глаз, соломенных волос и ручищ, которыми новый хозяин особнячка намеревался слегка придушить кооперативную республику Россию,

у финского жулика Битце Бейстоаа была восхитительная дочь... Конечно, она папу жуликом не считала и брала у него уроки бизнеса.

Сейчас красавицы дома не было, и Битце Бейстоаа, полный уверенности, что я сижу в его глубоком кресле в каминной зале исключительно ради его любопытной, загадочной долларовой личности, взялся учить меня по-отечески уму-разуму, по-медвежьки прямо намекая на предложение, недавно сделанное мне его дочерью. Я же, представив себе, сколько хлопот мне доставит ее фамилия, тянул резину и на предложение не отвечал. Да и слушал, в общем, невнимательно: рыжерукый папаша выдавал немислимое количество звуковых конструкций, но с той же долей смысла и с тем же пронзительным акцентом, с каким «разговаривает» дверь летнего сортира на неухоженной даче.

Господин Бейстоаа любил свою дочь. Только ради нее — я видел это по его сжимающимся в тугие кулаки рукам — только ради нее одной и ради ее будущего счастья он терпел в доме русского писателя. Терпел и считал обязательным его поучать. Он рассказывал одну из своих «бизнесменских историй», а параллельно делал довольно странную работу: брал со столика, что стоял тут же, в каминной зале, тугие пачки долларов и совершенно равнодушно, как шишки, бросал их в камин. Я поклялся себе

сдерживаться и не удивляться. Потому что удивиться — значит проиграть.

— В вашей стране очень трудно делать бизнес, — заявил мне хозяин дома. — Но, во-первых, у меня есть хорошая помощница — ваша будущая жена, — он нехитро подмигнул, — а во-вторых, я все-таки провернул недавно одно дельце, которое даст вам с ней возможность первое, по крайней мере, время ничего не делать, потому что вы, писатели, слишком заняты собой, и работать по-настоящему, головой, не хотите.

Я не был расположен обсуждать с пока даже не состоявшимся тестем ни свое будущее, ни проблемы русской литературы, ни, тем более, приданое его дочери, но господин Бейстоаа слушал только себя.

— Я только что вернулся из Хуукхонмякки, где удачно продал одну вещицу, о которой сейчас и расскажу...

Господин Бейстоаа бросил еще одну пачку с долларами в камин, аккуратно помещал в страшной каминной пасти огромными чугунными щипцами и вновь, не находя во мне ни сочувствия, ни удивления, продолжал:

— Одна ваша соотечественница взялась быть посредницей между мной и всеми другими вашими соотечественниками, у которых я могу что-то выгодно купить. И вот однажды она звонит мне сюда, на дачу (слово «дача» он произнес в пять слогов) и общается, что где-то в Баку какой-то коллек-

ционер продает скрипку Амати. Я, конечно, ни секунды не верил, что это правда, а был, наоборот, уверен, что это вранье, в лучшем случае подделка, но все-таки позволил ей, как говорят у нас, сделать шутку. И вот коллекционер оказался в Москве. И усевшись вот здесь, где сидите теперь вы, стал распаковывать сверток, который он только что привез с собой. Когда он открыл его, я (тут господин Бейстоаа в сердцах швырнул в огонь еще две пачки долларов) увидел действительно скрипку Амати. Я, конечно, не специалист, но там было написано, что это Амати, к тому же скрипка была старинной, и в этом, уж извините, не было никакого сомнения. Ну, пусть не Амати, а Страдивари, наконец. Я вообще, если честно, ничего не понимаю ни в каких скрипках, но мне пришлось сыграть роль эксперта, мы торговались и пили шампанское. Моя дочь, та самая, которую вы очень любите и которая любит вас, в коротенькой юбочке, тоже изображала роль и довела коллекционера до того, что он сбил цену с несуразного миллиона до почти приемлемых семидесяти тысяч долларов. Долларов, конечно, — повторил он, — Других денег я не знаю. А за миллион ведь я ее и сам продам! То есть, уже продал!

Господин Битце Бейстоаа взял со стола еще одну пачку долларов, на этот раз он ее распотрошил и веером пустил в огонь, потом повернулся ко мне и сказал:

— Без всяких экспертов я и так понимал, что скрипка очень дорогая. Я немедленно уплатил. И вот с семьюдесятью тысячами долларов коллекционер отправился в свою республику и думал, что все в порядке. Он, наверное, пил там свой коньяк «Апшерон» и думал, что на этом сделка закончена.

— Вот он, его «Апшерон»! — тут господин бизнесмен достал откуда-то из угла бутылку коньяка и, даже не посмотрев, с размаху швырнул в камин. Бутылка стукнулась о каминную решетку и разбилась. Коньяк разлился, камин зашипел.

— И таким коньяком он хотел обмануть меня! — гордо изрек хозяин дома и полил захлебнувшийся «Апшероном» огонь итальянской «Граппой». Огонь снова разгорелся, и удовлетворенный финн подбросил ему еще долларов.

— Вы даже не представляете себе, молодой человек, что было дальше!

Я был очень доволен, что меня назвали молодым человеком, и, напрягаясь, продолжал вслушиваться в дребезжание финна.

— А дальше за небольшой процент и четыре блока «Мальборо лайтс» я нанял азербайджанца, который вслед за нашим коллекционером тотчас же полетел в Баку, представился ему Президентом турецкого общества любителей старины и стал убеждать, что тот бесконечно и непростительно продешевил.

Господин Битце Бейстоаа раскрыл очередную пачку долларов и бросил ее в камин. На сей раз сцена взволновала меня настолько, что я чуть было не вышел из рамок приличия... Но, подняв отлетевшую за камин купюру, я все-таки сдержался и бросил ее в огонь.

— В этой же зале, — тут хозяин цитировал, — где ваш Лавренев читал «Сорок первого», Серебрякова сочиняла биографию Маркса, а Лавровы — телевизионных «Знатоков», стоял на коленях маленький, тихий коллекционер из Азербайджана и просил добавить на бедность, но я не соглашался. Нанятый за «Мальборо лайтс» актер говорил мне, что от волнения коллекционер, дозваниваясь ко мне в Москву, вместо номера телефона набирал почтовый индекс. Поэтому я просто ждал, когда он произнесет слова: «Верните мне скрипку». Тогда, церемониально достав из огромного стенового — и притом несгораемого — шкафа драгоценность, я пролил слезу по поводу предстоящей утраты и дрожащими руками возвратил скрипку ее прежнему владельцу. Надо вам сказать, что тотчас же он достал и отдал мне мои деньги. Мы — деловые люди, обмен происходил на уровне самых высоких политесов. Но я еще не знал тогда, почему у нас обоих хорошее настроение... То есть почему оно хорошее у меня, я уже знал: мой помощник из Ихола позвонил мне и сказал: «Триста тысяч тебе за нее дадут».

Поэтому я торжественно вручил своему дорогому азербайджанскому гостю сверток, вынутый из сейфа. Он долго разворачивал сверток, потом прижал напоследок к груди деньги, передал их мне и осторожно положил скрипку в свой кофр...

У меня хорошие отношения со знаменитым, но тайным концерном, который быстро изготовил мне скрипку, очень похожую на ту, что привез наш азербайджанский друг. Прямо копия! И вы знаете, я ничуть не побеспокоился, когда ваш Внешэкономбанк напрочь не принял у меня купюры, объявив их самой грубой подделкой... Поэтому я не советую вам особенно удивляться тому, что мы греемся у такого странного огня.

— Вам, писателям, — продолжал он, — этого никогда не понять. Вам не понять, как трудно делать большой бизнес, потому что все в этом бизнесе всегда каким-то чудом уравнивается. И, казалось бы, мы все остались при своем.

Это были золотые слова. И чтобы как-то помочь этому бедному человеку, я взял со стола все оставшиеся доллары и с любовью бросил их в огонь. Мы подождали еще некоторое время, пока зеленоватые бумажки превратятся в пепел, и тогда нувориш Битце Бейстоаа заговорил снова. Слова его дорожали с каждой минутой.

— Я нашел одного японского музыканта, которому продал эту бесспорно старинную скрипку за Амати. Он не стал делать экспертизу, он просто выложил триста тысяч. И сейчас, глядя на эти бессмысленные бумажки, порожденные единственным желанием обмануть меня, человека с Запада, я думаю о своей дочери и о вас, господин писатель, думаю потому, что на этом свете просто так сидеть и смотреть в камин слишком грустно и одиноко.

Господин Битце Бейстоаа еще долго бы разглагольствовал, если бы в дверях каминной не появилась та, ради которой мы с моим косноязычным собеседником предали свои призвания. Я — на мгновение — писательское, а он — навсегда — призвание финского фермера.

Она стояла в проеме двери, высокая, беловолосая, хорошенькая.

Мы, не отрываясь, восторженно глядели на нее. Он по-отцовски, а я, признаюсь, плотски.

— Я готова, папа, — сказала она, едва кивнув мне. — Президент фирмы «Эсфирь-Ифрит» сообщил, что он ждет нас, договор о намерениях подписан, и он просил захватить с собой наличные. Это те, папа, что лежали тут на столике...

В ответ на наше торжественное молчание, она добавила:

— Не беспокойся, фальшивые я убрала, чтобы не путались, а эти, чтобы были под рукой, положила сюда. Мне с таким трудом удалось получить их сегодня из Японии через Микки-Маус банк. Президент этого банка Эрнст Мрочко даже попросил меня быть на эти дни его женой...

Всему наступает предел! Я, было, попытался удивиться, но не удалось: ко мне вдруг подошла хозяйская собака и вместо того, чтобы, как обычно, лизнуть, сказала: «Доброе Утро».

Я вспомнил, что это — ее имя.

ЧУК И КЛЕОПАТРА (дачная история)

1.

Эта история случилась в дачном поселке писателей, недалеко от Москвы. Под колесами большой черной машины погибла собака. Она лежала на обочине, под длинным глухим забором дачи главного редактора уважаемого толстого журнала, похожая на истрепанную темную подушку, и мрак сосновой ночи стучался над ней. Свидетелей происшествия не было. Машина, конечно, скрылась, и уже поэтому все случившееся местные жители сочли преступлением.

Но оказалось, что свидетели все-таки были, и преступник даже видел их через темное стекло лимузина. «Как такое возможно? — спросите вы, — как свидетели преступления одновременно были и не были, и, тем более, как ночью в лесу через темное стекло пассажир автомобиля смог разглядеть кого-то в придорожных кустах?» Ну, последнее объяснить очень просто: фары.

Автомобиль несся по улице Серафимовича, подпрыгивая на возвышениях, а Владимир Эрихович Б. все погонял возницу:

— Давай-давай, ну, опоздаю же!

Дело в том, что по центральному телевизору уже начиналась трансляция чемпионата по футболу, а Владимиру Эриховичу Б. было до Баковки рукой подать. Он еще почему нервничал: в машине, естественно, был телевизор, и Владимир Эрихович Б. видел, что сборная его страны, которой он служил в серьезном правительственном ранге чиновником, уже выстроилась в процессе, игроки подпрыгивали и подрыгивали мускулистыми ногами, как скаковые жеребцы перед забегом, но Владимир-то Эрихович Б. специально для этого матча купил накануне телевизор с плазменным экраном три на четыре метра — именно такого размера была стена ванной на его загородной вилле. Обидно, ведь он весь день предвкушал, как возьмет из холодильника пиво и заляжет в джакузи, и нажмет на пульт, а перед ним — хоп! — и вся сборная России в натуральную величину. Давно Владимир Эрихович Б. не лежал в джакузи посреди Лондонского стадиона.

Но в конце рабочего дня зазвонил телефон. Это был не простой телефон, а телефон без клавиш или диска набора. Ну, вы понимаете. К такому телефону можно не подходить, только если ты решил умереть.

Он — телефон — видит сквозь стены, а слышит сквозь уши, то есть сканирует мысли.

И вот бедному Владимиру Эриховичу Б. прямо в ухо проговорили четко и строго:

— Написать самолично проект Указа о защите домашних животных.

Не осмелился Владимир Эрихович Б. ответить телефону, что никогда он в руках не держал ни одно домашнее животное, не считая мух, которым в детстве любил ножки и крылышки пинцетом отрывать. Но проект нужен был к завтрашнему утру, потому что на том конце провода так лаяли, так лаяли! Нет, не подумайте, что тут намек на грубость: там, правда, лаяли — во дворе.

— Стая сук, — рычал голос в трубке, — всю ночь воют и лают, а пойдешь воздухом подышать, кругом одно собачье... а когда снег начнет таять, вообще... основы государства, понимаешь, подрываются, не российская земля под ногами, а дерьмо.

Вот поэтому и опаздывал Владимир Эрихович Б. теперь на матч, поэтому и гнал в ту летнюю ночь личный водитель Владимира Эриховича Б. автолайнер с содержимым со скоростью света, когда, аккурат напротив дачи главного редактора знамени российской литературы, в ослепительном свете передних фар возникла фигура небольшой черной собаки. Пес стоял прямо на дороге, прямо перед движущимся на него автомобилем. Он повернул голову и до последнего мига смотрел в лицо своей смерти.

Водитель поздно нажал на тормоза, глухой удар отбросил собаку метра на два вбок.

Автомобиль застыл как вкопанный, и какое-то время ни водитель, ни Владимир Эрихович Б. не могли отойти от шока. Первым очухался Владимир Эрихович Б., он провел широкой ладонью по еще более широкому лбу и проговорил:

— Ну, это не метод...

Что значили его слова, водитель не понял, да и сам Владимир Эрихович Б. не смог бы объяснить, что он имел в виду. Водитель потряс головой, потом усмехнулся в усы:

— Тоже мне, Анна Каренина.

Если бы он только знал, как недалеко он от истины!

Владимир Эрихович Б. опустил стекло и смотрел на бездыханное тело. Потом, почувствовав дикий, сверхъестественный холод, заползающий в салон, замотал стекло обратно, и, увидев, что телевизор в машине идет полосами и шипит, гаркнул:

— Что стоим-то? Человека, што ль, сбиди?! Гони, как гнал!

Водитель стал выравнивать машину на трассе, и вот тогда-то фары и выхватили две торчащие из кустов морды; две пары испуганных глаз сверкнули отражением бесовского дальнего света.

Владимир Эрихович Б. думал о том, кто это был, до самого дома. Когда зеленые ворота традиционно скрипнули, он вышел из оцепенения. Машина мягко прошурша-

ла по гальке двора и подъехала к белому крыльцу.

...А в это время оба свидетеля происшествия, подбежав к телу собрата, тыкали в него носами, пытались привести в чувство, делая искусственный массаж сердца, один даже принес на своей густой бороде воды из соседней лужи и побрызгал на сбитого пса, но — бестолку. Тело оставалось бездыханным, и тогда собаки — а свидетелями оказались именно две местные собаки — завyli, подняв морды вверх, туда, где за ветками высоченной сосны качалась огромная неотвратимая фара Луны.

Собаки сидели рядом, прижимаясь друг к другу дрожащими боками. Погибший был их лучшим другом. Звали его Чук. Он был приبلудным. Но приبلудившимся вполне удачно — Чуку повезло с формальным хозяином. Его хозяином стал недавно вернувшийся из-за границы Демократ. Так все местные жители и собаки называли нового поселенца. Дача, соседняя с дачей главного редактора, перешла к Демократу без проблем, по-демократически легко и быстро. А потом появился на пороге веранды и Чук. Он очень отдаленно напоминал овчарку главного редактора, которая скоростижно исчезла два года назад. Была та овчарка кобелем и прожила у главного редактора всего-то год с небольшим. Среди собак шел слух, что этот кобель сам сбежал — по собственной воле. Поговаривали еще, что

плохо ему жилось, и что случай такой был в том семействе не первый. А еще, что... Впрочем, если говорить о Чуке, то с овчаркой, убежавшей от главреда, у него было только одно общее коричневое пятно на спине. Но, когда он впервые ткнул Демократа мордой под коленку, это пятно было все в пыли, репьях и соломе. Артритные коленки Демократа подкосились, и тот присел от неожиданности на корточки.

— Ох ты, тварь земная, как же тебя потрепало! — прокряхтел, поднимаясь, Демократ.

— Да, и тебя, Демократушка, годы не жалуют, — проговорил в ответ Чук. Разумеется, по-собачьи проговорил...

Демократ, надо отдать ему должное, толк в помощи вот таким бомжеватым типам знал, поэтому умиленью долго не предавался и нюни не распускал, а сварил парню геркулесовой каши на воде, бросил туда колбаски для запаха, налил миску чистой воды. Так они и зажили: Чук приходил поесть, лежал часок, навалившись на ступни Демократа, пока тот дремал в кресле, вроде благодарил, лечил ноги хозяина своим теплом, а потом оба расходились по своим делам, кто куда. Чук сначала шел в парк при детском санатории. Там они все и собирались поболтать. Кто все? Да местная шолупонь, собачья тусовка. Дамочки расфуфыренные, мужики — кто под хиппи, кто под «шестидесятников», кто под декаданс.

Были там и собаки Чуковой породы. Например, многострадальный Ральф. Огромный, матерый, пахнущий до дурноты, жил он у поэта Михаила Львова и недавно похоронил сына. Эта история произвела много шума и среди собак, и среди людей. Потомка Ральфа звали Джек. Он поселился в семье местных старожилов, воспитывал хозяйского сына Сережу. В те времена мальчики и собаки носились по Переделкино одной дружной ватагой, иногда забывая, кто какого сословия: человеческого или собачьего. Но мальчики бывают разные. Был в их шайке-лейке еще один Сережа — сын поэта Попова. Вот из-за схожести имен и вышла путаница. Словом, не любил старик Ральф этого второго Сережу взаимною нелюбовью. Тот кидал в него камнями, а однажды ударил ногой. Эту ногу Ральф, не долго думая, и покусал. Сочинитель незамысловатых, до предела ясных соцреалистичных стихов, Попов вернулся как раз из творческой поездки по Сибири и Дальнему Востоку. А совсем незадолго до этого получил он Государственную премию СССР — автомобиль. И как-то так совпало, что едва поэтического сына покусала овчарка, точно такую же овчарку папаша пострадавшего задавил на своем новеньком автомобиле. Правда, это был не обидчик Ральф, а его сын — ни в чем не повинный Джек.

Как же рыдала над бедным Джеком его матушка! Мать Джека — овчарка Кара, со-

бака литературоведа Корнелия Зелинского. Она выбежала на дорогу и буквально навалилась всей грудью на бездыханного сыночка. И маленький хозяин Джека плакал. Родители боялись приносить в дом замену, и сначала пытались отвлечь Сережу от его горя кроликами, раздобытыми, видимо, у Казакевичей. Кролики сыграли положительную роль, а потом к ним добавились ежи — Фома и Роман, которые пришли сами и поселились под лестницей. Хрюкая и стуча лапами, они каждый вечер требовали от хозяев молока. Черепаха Даша была привезена контрабандой из Африки, куплена там у болтливового феллаха. А спустя несколько месяцев купили ребенка и новую собаку. Кутя был эрделем, он хвостиком мотался за мальчиком целыми днями, и только под вечер прибегал на полянку у пруда послушать новости. А о том, кто убийца Джека, Сережа узнал гораздо позже. Родители скрыли от него, что Попов хвастался в Доме творчества:

— Собак, отведавших человеческой крови, надо убивать. Это закон. Виданное ли дело, они будут собак распускать, а тут дети...

Ральф не стал связываться. Он уже заплатил за все и казнил себя до самой смерти. Приходил теперь к пруду тихий и угрюмый, сидел под ольхой, ни о чем не разговаривал с молодняком. Все местные девушки были кобелькам известны и не вызывали в них любовных эмоций. И дворняжки поэта

Сергея Васильева, разводчика голубей, и собака прозаика Дмитрия Еремина, живущая под огромным огородным пугалом, и колли заместителя министра культуры Владыкина, и Лапа — ювелирное создание, собственность прозаика Льва Никулина, — все они были боевыми подругами. А ведь между старыми знакомыми редко когда возникают нежные привязанности, не говоря уж о супружеских отношениях. Большой желтый пес Льва Ошанина собирал частенько дамский хор и репетировал всем до скрежета зубовного известные песенки. Это было похоже на клуб в военном гарнизоне, куда жены начальников бегают показать друг другу меха и новые сережки, а уж песни поют постольку поскольку.

Но если появлялась какая новая мадемуазелиха, все эти старые кобели пускали слюни и ходили за ней кругами, пока на склоне берега, спускавшегося к пруду, не получался настоящий собачий водоворот. Там Чук и увидел ее. Она появилась, как фея, в пролеске, в ореоле таинственного сияния, исходившего от ее пушистой шелковой шерсти! Она была колли! Робкая, как горная лань, утонченная, как Майя Плисецкая. Как она стригла ушками, как чутко подрагивали ее ноздри! Чук не мог оторвать от нее взгляда, он не заметил, как попятился вниз, задние лапы его ослабели, и он плюхнулся всей кормой в прибрежный, тягучий ил, да еще с таким громким всплеском, что вся

тусовка дружно подавилась понимающим смешком. Луна плавала в пруду, прямо за спиной Чука. Она — колли — его тоже заметила! Еще бы! Грозная крупная фигура глупо чернела в круге ярко-белой луны, а короткий бобрик на голове смешно светился золотым контуром.

С того дня Чук потерял сон. Он потерял бы и аппетит — но раньше потерял кормильца: Демократ, этот местный помещицек, в валенках, с длинными седыми волосами, вдруг нарядился в одно прекрасное утро и исчез, и вот уже три дня не показывался на даче, а было известно, что другого прибежища у Демократа нет. Чук уже стал задавать себе странный вопрос: не от него ли, Чука, сбежал хозяин? Ведь наши комплексы и наш опыт прибавляют нам мнительности, мы все в первую очередь виним себя, если с кем-то случилась трагедия, которую мы уже пережили когда-то. Чуку ничего не оставалось, как смотреть по ночам на звезды, лежа на ступеньках веранды, и думать о колли.

«Лапочка моя, — говорил он ей в мыслях своих, — разве ж может быть на свете такая красота! Я много повидал, я был знаком с портовыми шавками и салонными моськами, я сражался с врагами на границе в горном ауле, но я никогда не думал, что однажды меня так подкосит! Выходит, это чувство — самое сильное на земле!»

Он прикрывал морду своей огромной мощной лапищей и нежился в мечтах о своей красавице; он хотел ласки и горел от нетерпения, желая приласкать ту, которая ему милее всего. Но шло время, а они могли лишь издали поглядывать друг на друга, едва заметно подрагивая хвостами. Приличия в их кругу соблюдались беспрекословно, все-таки все они имели отношение к благородному сословию писателей, кто-то жил в доме, кто-то во дворе, но это была поистине собачья интеллигенция.

Густой лес вокруг заброшенного детского санатория и высокие прибрежные кусты были теперь отрадой для Чука. Он готов был ждать появления своей феи с утра до ночи, он прибегал на пруд едва ли не первым, обнюхивал траву, корни, ища ее следы, вдыхая ее запах, прозрачным шлейфом висевший на деревьях и осоке. Он разнюхивал, выводывал; он уже знал, что фея живет на даче одной грустной поэтессы преклонного возраста. Говорили, что эта поэтесса знавала самого Пастернака, который был известным другом собак, а еще она и сама была похожа на колли. От их дачного участка пахло козой. Это неприятно настораживало Чука, особенно когда пару раз на его глазах в калитку входила жена Казакевича, ведя на толстой разлохмаченной веревке огромного белого козла. Вероятно, она сдавала его в аренду козе за ящик сгущенки. Чук мечтал, чтобы и его сдали в

аренду за ящик сгущенки именно на эту дачу. Вот бы они с Демократом потом насладились сгущенкой с хлебом, да с ароматным чайком на шишках! Но Чука в аренду никто не требовал.

Однажды Чук, дежуривший напротив калитки своей возлюбленной, услышал, как поэтесса зовет кого-то по имени. Вскоре оказалось, что это имя принадлежит как раз колли — та отозвалась нежным коротким твяканьем.

— Клео!!! — звала хозяйка, — Клеопатра!!!

— Ах, ну, что тебе, дорогая? — ответила колли.

Итак, ее звали Клеопатрой. Так назывались многие вещи в жизни Чука. Например, одна яхта в Коктебеле, где Чук побывал позапрошлым летом, и даже жил там у одного поэта-отшельника, очень похожего на его нынешнего хозяина Демократа. Чук не знал, что Демократ и поэт-отшельник в молодости были закадычными друзьями, а вот потом стали по-черному враждовать. Как-то у Чука с Демократом речь не заходила об этом крымском периоде, а то бы Чук узнал, что, по мнению Демократа, поэт-отшельник — самый что ни на есть сумасшедший и чокнутый, и тому подобное. Тогда бы он, Чук, развеется понял, почему Демократ с крымским другом-врагом так похожи, словно братья-близнецы, долго живущие врозь. В сущности, ведь и сам Чук был та-

ким братом-близнецом псу, сбежавшему с дачи главреда-знаменосца.

Все мы лишь подобие самих себя, когда речь идет о нас, прошлых.

А еще «Клеопатрой» звали казино, в котором подвизался Чук в самый тяжкий год своей жизни. Разумеется, жил он на заднем дворе, и его то гнали, то кости подбрасывали. Правда, поваренок старался эти кости высыпать прямо на голову Чуку, и это было страшное унижение. Но все-таки не такое, чтобы не взять все, что давали, и не зарыть на черный день. Обида голоду не помеха.

Задумавшись, Чук и не заметил, когда калитка распахнулась, и на проселочную дорогу вышла хозяйка с Клео, а за ней — мужчина. Чук так и сел на гальку, когда узнал в мужчине пропавшего несколько дней назад Демократа. «Боже мой! — подумал Чук, — как такое может быть!? У него ведь в руках собака. И эта собака — не я!»

Демократ и вправду нес на согнутой руке черного шпица, с тупой мордочкой и острыми ушками. Его косматой бороденкой можно было рисовать картины. Брови, как брызги, вырывались из надбровных дуг и нависали над сливающимися с шерстью черными глазами. «Красавчик!» — обомлел Чук.

Он даже прижал свои крупные уши к голове и опустил хвост. Он зажмурился, хотя и не ощутил физической боли. И он не мог

понять, что именно его вдруг ошпарило, как кипятком: близость к его Клеопатре другого кобеля, или его собственная ревность к Демократу, который предпочел декоративную псинку ему, Чуку, его бессмертной душе. Горько, горше прокисшего молока!

Он, конечно, не осмелился испугать хозяйку Клеопатры и не вышел навстречу своей возлюбленной, не посмел заговорить ни с кем из них. Он протер глаза, подивился происходящему из-за поникшего куста жасмина и заснул.

2.

Когда Чук проснулся, была ночь. Что с ним случилось, он не сразу вспомнил. Перед глазами все еще стоял черный шпиг, а точнее, сидел — сидел у Демократа на руке.

Чук поднялся и рысью, по-волчьи, побежал к себе. Хозяин теперь уж наверняка дома, и должен будет все ему объяснить. И действительно, на первом этаже дачи горели огни, на веранде кто-то курил. Чук старался приблизиться тихо...

— Кто здесь? — обеспокоено спросил женский голос.

И вдруг из дальнего угла участка — а участки в писательском городке не запаханые, дикие, пустынные, особенно в конце лета, когда листва начинает блекнуть, — на Чука накатился какой-то стремительный клубок жизни, веселого рычания, ис-

крометного порыва. И вот уже два молодых дружески настроенных собачьих тельца накинулись на него и вовлекли в свое озорство, в свой бесшабашный ночной кутеж. Это были Клео и чернявый незнакомец.

— Эй, Чук! — кликнул его со ступенек хозяин. — Да никак явиться соизволили? Ну, иди, голубь, поешь, а то ноги переставлять не сможешь.

Все само собой рассасывалось. Без дополнительных вопросов, самым ходом истории разъяснялись проблемы бытия и существования. Вот дом, вот хозяин, вот любимая, вот новый член семьи — их с Демократом семьи. Или, может быть, они все теперь — одна семья? И Клео?!!

— Они что, знакомы? — наконец, спросил Чук, обращаясь к Клео и указывая на своего хозяина и ее хозяйку.

— Толковый вопрос, приятель. — вмешался шпиц, явно насмехаясь над ним, — Разве это непонятно? Мужчина не жарит шашлыков женщине, если они не знакомы!

И только теперь Чук увидел в деревьях за домом мангал с волнующимися угольками, и почувствовал запах шашлыка. Да, здорово же его развезло от переживаний! Не учуять запах шашлыка! Боже, какой шашлык он ел прошлым летом в Сокольниках!

— А ты откуда тут вообще взялся, — спросил Чук шпица и добавил, — на мою голову!?

— Не переживай, старичок, — бодро отвечал шпиц, — у нас с твоим Демократом один шеф на двоих был. Он загнулся. Теперь Демократ меня приютил, сиротинушку. Но я у вас ненадолго. Я слышал разговор, меня отдадут родне.

— Что-то ты для сироты слишком бодр и весел, юноша, — парировал наш Чук.

И тут вмешалась Клео:

— Давайте не будем судить по первому впечатлению. Мало ли что у собаки на душе творится. Может быть, он умеет не подавать вида.

— Кто скрывает свои настоящие эмоции — тот для меня не собака, — обиженно заявил Чук и пошел на повторный клич Демократа.

Так вот и возникла новая ситуация в жизни овчароподобной собаки по кличке Чук: в доме Демократа поселился шпиц по имени Цезарь, а сам Демократ все чаще и чаще оставлял ночевать на своей подстилке, то есть в спальне, не только Цезаря, но и хозяйку Клеопатры, которую звали Марианна, и которая из печальной поэтессы постепенно превратилась в нормальную поэтессу, коротко постригла волосы и обзавелась стильным гардеробом. Марианна резко возражала против присутствия собак в спальне, и шпицу доставалось. Но Клео ночевала всегда у себя дома. Ее Марианна на дачу к Демократу не брала.

И когда на даче Демократа все стихало, Чук, грозный страж этого участка, обходил территорию, устраняя все мнимые и реальные угрозы, и бежал по лунной улице Серафимовича, сворачивал на улицу Погодина, и начинал прохаживаться под окнами Марианниной дачи в надежде перекинуться с Клео двумя словечками, ну или хотя бы увидеть кончик ее хвостика в щелочку между досками забора.

Однажды, когда Чук вернулся к своей будке, он заметил, что на крыльце дачи что-то чернеет. Осторожно он подошел ближе и, к удивлению своему, обнаружил на сухих досках две тушки мертвых грачей. Грачи были небольшие, они лежали аккуратно на ступеньке, на каждом еще блестела томатной пастой горка крови. Чук решил, что так и нужно, не стал поднимать шума. Но шум подняла Марианна. Она первая вышла на рассвете в сад, потягиваясь, глубоко наслаждаясь собственной женской жизнью, как вдруг поняла, что наступила на мертвую птицу. И она завизжала. Чук машинально залаял, и Марианна испугалась. Она вбежала в дом и рассказала Демократу о грачах.

И тут произошло совершенно невозможное: на Чука обрушился град ругательств и угроз. Он стоял ошеломленный, переводя взгляд с Демократа на Цезаря.

— Цезарь, скажи по чести, ведь это твоя работа? — спросил он шпица.

— Не знаю, приятель, — ответил тот, прячась за демократову ногу, — я спал себе. А у тебя, наверное, провалы. Не помнишь, кого во сне ловишь и душишь?

В тот же день о происшествии стало известно всему собачьему обществу. Новость обтирали во всех кружках: бульдоги попеременно поднимали брови и оглядывались на Чука, кокер-спаниели качали опущенными мордочками, а потом встряхивали головой, словно говоря: «Не приведи, Господи!» Цезарь и Клеопатра тоже о чем-то шептались, сидя на мостике, откуда самые отважные писатели ныряют в водоем — сразу на глубину. Чук подошел к группе собак среднего возраста, понимая, что шепчутся о нем.

— Да не я это! — рявкнул он вместо приветствия. - Я вообще не мясная собака.

Но никто разбираться не стал. Все промолчали. Клео — его воздушная, белокурая Клео (чем только моют ее фантастическую шерсть?!) — она подошла к нему и вдруг резко бросила:

— Просто не представляю, как можно общаться с тем, кто только что своими зубами загрыз птицу. Да еще какую! Грача! Вы, Чук, вообще живопись любите?

Чук решил, что так Клео дала понять, что он для нее больше не существует. Еще на Саврасова намекнула! Он отпрянул, замотал головой и, подумав недолго, убежал по тропинке. Его не видели три дня.

А в эти три дня Цезарь торопился укрепить завоеванные позиции. Как-то вечером Марианна пришла на дачу Демократа с Клеопатрой. Демократ казался озабоченным. Да и Клео не терпелось узнать, не появлялся ли Чук.

— Цезарь вот тоже куда-то запропастился, — предупреждая вопросы, первым заговорил Демократ, — битый час его ищу, зову.

— Может, сбегать к пруду? — спросила Клео.

— Клео, ищи! — велела Марианна и спустила собаку с поводка.

И Клео понеслась к пруду, сбивая веточки и травинки, попадающиеся ей на пути. Она перескочила перекресток и нырнула в темноту парковых аллей. Кроны деревьев здесь почти срослись, сплетясь над самыми тропинками. Шелковая шевелюра Клео развевалась от плавных, затяжных скачков. Красавица остановилась у первой запруды и прислушалась. Она быстро перебежала к следующей запруде. Печальный всхлип еще раз донесся до ее ушек, потом она рассмотрела на освещенном луной склоне распластавшуюся фигурку Цезаря. Тот лежал ничком, вытянувшись во всю длину и прикрыв лапами голову. Он плакал.

— Цезарь, — еле слышно прошептала Клео, — что с тобой?

Он молча продолжал лежать и подрагивать. Нет, он не подрагивал — он содрогал-

ся! Клеопатра подползла к нему на животе и резко взвизгнула:

— Цезарь, миленький!

Он замер и немного повернул к ней свою голову.

— Вы все думаете, что я циник. Тоже, кстати, античное слово...

— Нет, нет.

— Так вот, я не циник, и не киник. Я совсем не умею терять. Когда мой босс умер, я три часа не подпускал к нему никого, пока меня не усыпили на время. Он был великим писателем! А теперь вот Чук... Это ведь из-за меня он...

— Как так?

— Ну, да, — всхлипнул Цезарь, — не надо мне было этих грачей... Ну, которых он убил, вообще хозяевам показывать... Ну, подумаешь, инстинкт сработал... С кем не бывает! Вот где он теперь? Или взять тебя...

— А что меня брать?

— Вы такая красивая пара. Ты — очарование, он — слегка поношенный сквайр. Теперь это модно. А я — вечный неудачник и изгой, впрочем, не будем обо мне. Я уже привык. Ну, подумаешь, талантливый писатель. А кто меня тут ждет, на ваших писательских дачах? Да, я, может, роман пишу! А ты ведь все равно его — Чука — любишь, куда я суюсь! Подумаешь, кому нужна моя благородная кровь, моя порода?! У него, наверное, тоже порода, где-то глубоко... очень глубоко... была, может, овчарка в роду...

Он снова стал раскачиваться, бока его ходили ходуном, в землю утекало тоненькое поскуливание. И тогда Клео лизнула его в макушку. Потом потерлась своей щекой о его ухо, потом уткнулась носом в его шею. Ей было так жалко Цезаря, что вся ее душа растворялась в этом ощущении, как будто в его морде она жалела весь мир, обездоленный и сиротский.

И тут он перевернулся на спину и протянул к ней свои короткие лапки...

3.

В это утро собачки и псы стекались в известный лес, как весенние ручейки. Всем было интересно, что за беготню устроили обитатели демократовой дачи этой ночью и почему Демократ третьего дня звал Чука, а вчера весь день — Цезаря. А кто-то уже судачил о том, что Клео потеряла невинность, пришла домой под утро, и хозяйка отчитывала ее на весь поселок.

— Ничего странного, все логично, — заявил дог с участка главреда, которого держала главредная жена, считавшая, что животные благотворно влияют на воспитание детей, — весь ее внешний облик свидетельствовал о распутстве, но только зарытом в тайниках ее коварной души...

Дог слегка грассировал, произношение его так хорошо воздействовало на слушателя, что всем хотелось продолжения. Но слово взяла королевская пуделиха одной местной музейщицы.

— Нет и нет! — вскричала она. — Это не коварство, а слабость! Слабость характера, господи! Ну, даем всем, кто попросит — какое же здесь коварство, помилуйте?

— Ой, молодежь, конечно, наша, — вздыхали дамочки постарше, — вообще о любви забыла, только секс им подавай, а где ж его взять...

— Да я хоть щас, — вставил сенбернар Эгри и даже вскочил на своих толстых, отечных ногах.

— Да, хоть будет о чем вспомнить, молодец девка, — лаяли совсем старые лабрадорихи и виляли выдавшими видами обрубочками хвостов.

Клео больше не появлялась в этом обществе. Она сидела на привязи, которую Марианна приобрела специально: прочная цепь звенела теперь на шее колли, а другой конец был нанизан на длинную металлическую леску, протянутую над участком. Клеопатра могла бегать по всему участку, но она все-таки была на привязи. И скажите, не была ли глупа Марианна, которая не учла, что маленькому черному, как летняя ночь, шпицу не составит труда подлезть под забором, когда все спят, и вновь, и вновь лизаться со своей юной любовницей, которая — спасибо хозяйке — еще и прикована цепями.

Что же Чук? Где он обитал все это время? По каким оврагам бегал, какие объед-

ки подбирал по помойкам и свалкам? Никто этого не узнает. Чук вернулся обратно через три дня. Демократ и Марианна любили вечером курить на веранде. Вышли они и в тот теплый, мирный, земной вечер, молча прикурили друг у друга, облокотились на перила.

— Посмотри, не приходил? — попросил Демократ свою женщину.

Марианна пошла к будке проверить, не съедена ли каша, которую раз в день менял в тарелке сам Демократ.

— Ой, смотри-ка, — вдруг раздался из темноты возглас Марго, — чудище явилось, дрыхнет без задних ног! Ах, ты гулена, ах, ты чучело....

Так привечала Марианна возвратившегося пса, который, развалившись на пороге своей огромной будки, спал и не слышал ласковых ноток в ее голосе.

Влюбленные женщины ласковы ко всему миру.

А утром, когда первые птички запрыгали по все еще спящему Чуку, по лестнице со второго этажа, медленно и едва удерживаясь на своих коротких ножках от неизбежного падения, съехал шпиц Цезарь. Он высунул свою морду на веранду, поежился, побежал на кухню, схватил парочку шариков собачьей еды, чтобы почистить зубы, но тут вдруг всей спиной почувствовал присутствие чего-то большого, давящего, отнимающего половину небесного света.

Он стал озираться по сторонам, не понимая, в чем дело, потом принялся, даже отважился выглянуть на веранду и тут понял: со двора доносится мирный храп аборигена — этого бестолкового детины, хозяйского любимчика...

Замечали ли вы, что к одним собакам люди относятся, как к собакам, а к другим — как к людям. Так же и с детьми: к одним относятся, как к детям, к другим — как к людям. Цезарю мешало ощущение, что Чука недостижим.

— Ну, что, Чука, по бабам, что ли, шастал? — безразличным тоном спросил он у проснувшегося пса, развалясь неподалеку на травке. — А мы тут тоже зря времени не теряли. Ну, и сучка же эта Клеопатра, скажу я тебе. И главное, голову ей задурить — раз плюнуть. Я ей: наши имена — это судьба, мы предназначены друг другу всей историей древнего мира, бла-бла-бла... Она и лапки расставила...

Цезарь не смотрел на Чука, разглагольствуя о своих успехах, он не заметил, как уши Чука выстрелили вверх, напрялись и бешено пульсировали.

— Правда, скажу тебе, с такими рослыми девками нам, шпицам, нелегко управляться, но меня научили еще при первой случке... Главное, чтобы объект был прижат к земле. А там уж...

Когда прямо над собой Цезарь увидел квадратную разъяренную морду Чука,

было уже поздно. Чук смаху прокусил Цезарю кожу на горле, но вдруг почувствовал на клыках солоноватый вкус, ему стало противно, он отпустил орущего Цезаря и отпрянул вглубь сада. Там его стошнило.

В тот день Чук впервые узнал вкус живой крови, а Демократ впервые поднял руку на собаку. Он гонялся за Чуком по всему участку с валенком, лупил его по спине, когда нагонял. Правда, Демократу все время казалось, что Чук принимает происходящее за игру. Но нет! Чук понимал все и даже больше: теперь он окончательно превратится в глазах общественности в кровавого монстра. Хорошо еще, что Демократ не связал эти два события: убитых грачей и нападение на Цезаря. А шпиц, с белым лейкопластырем на шее, отправился сиять в прибрежных камышах, обхаживая новых девочек рассказами о своей «праведной дуэли».

Участь Чука хозяин решил по-простому. Он посадил его на цепь. Собственно, цепей в Переделкино всегда было видимо-невидимо. В те исторические периоды, когда цепи были невидимы, все все равно знали, что под тонким дерном, под прелой травой, присыпанные хвоей на задах участка, еще где-нибудь — лежат эти цепи, вечные собачьи цепи, которым нет-нет да находят необходимое применение.

Цепь Чука была длинная, противоположный конец ее обхватывал толстую сосну за собачьей будкой.

В эту ночь дачный писательский поселок прорезали два пронзительных воя, которые раздались одновременно, как будто собакам кто-то скомандовал: «Три-четыре, завывай!» Это, конечно же, плакали Клео и Чук, как все порядочные, посаженные на цепь собаки. На разных концах поселка, они выли о своем, не слыша друг друга: когда ты воешь сам, ты не слышишь воя другого. Поэтому Чук так и не узнал в ту ночь, что Клео сидит на цепи, а Клео даже не знала, жив ли Чук. Но она думала не о нем. Она не понимала, почему не приходил сегодня Цезарь, гадала, придет ли он завтра, вздыхала между завываниями, и даже всплакнула — очень уж хорошо получился последний аккорд. Потом она умилилась простеньким астрочкам, розовеющим под фонарем в углу участка, побегала немного на цепи и решила лечь спать. И приснился ей странный сон. Ей снилось, что она девочка. Она была юной человеческой особью женского пола. И у нее был возлюбленный. Она поразилась странному чувству любви (оставаясь собакой, любовь она испытывала собачью) к молодой человеческой особи мужского пола. Во сне Клеопатра любила мужчину! Она увидела его на каком-то мероприятии в писательском санатории, не в том заброшенном детском санатории, а в самом настоящем, куда еще приезжают писатели и где проводят форумы разные писательские союзы. Так вот, он был из враждебного ла-

геря: из того Союза писателей, члены которого переходили на другую сторону улицы, когда навстречу шли коллеги Клео. О! Она тоже была писателем! А, может быть, как и ее хозяйка — поэтом! Какое невероятное чувство счастья охватило Клео в ее загадочном сне на клумбе с астрами! Она писала стихи, она была полноправной дачницей, она любила мужчину! И ее возлюбленный был тоже писателем, настоящим мужчиной-писателем... Но потом ее сновидение окрасилось в резкие цвета, ибо Союзы писателей совершенно разругались по поводу прав собственности на санаторий. Представители этих наинтеллигентнейших общественных организаций так лаяли друг на друга, что и речи не могло идти о воссоединении, да и о союзе Клеопатры и ее прекрасного возлюбленного.

Колли лежала на боку, едва заметно дыша, передние лапы ее были скрещены и вытянуты вперед, словно она летела.

Во сне в это время происходили интересные события: на форум, призванный объединить все писательские союзы в единую сплоченную армию российских писателей съезжались огромные писательские массы, и вот уже в калитку невозможно было протиснуться, а машины парковались и парковались на окрестных лужайках. Клеопатра вдруг стала понимать, что все эти писатели — собаки. Она всех их знала, часть из них бывала в их поселке наездами, в гос-

тях, в санатории, часть жила здесь постоянно. Вот старая лабрадориха Лиснянка, еле переступая, прошла к главному корпусу, все расступились перед ней и примолкли. Вот поджарый, словно его сто лет не кормили, темно-коричневый доберман Возчик пробежал, стараясь быть незамеченным. Он был на самом деле скромнягой, много болел, но это не помешало ему в этом году получить звание заслуженной собаки. О нескольких вагонах мозговых костей, зарезервированных на его имя на одном московском хладокомбинате, мечтали все присутствующие здесь. Но если прошлогодняя заслуженная собака вызывала много споров, потому что кто же не усомнится в честности награды, когда победитель толст и самодоволен, то имя этого старенького добермана грех было склонять на всех углах и в подворотнях. Зато так уж получилось, что совестливому толстячку долматину по кличке Волик пришла в голову идея раздать все вагоны нищим собратам по перу, пара вагонов даже была распределена по собачьим приютам. Что будет делать со своим богатством Альф, никому пока известно не было. Зато в толпе неожиданно материализовался маленький бес Кушик. Он был седой болонкой, абсолютно выстриженной по всему тельцу, кроме головы. Голова его кучерявилась по бокам, он что-то поскуливал в ответ на приветствия, склоняя лоб, но все его существо казалось безжизненным,

звук, исходящий из его рта, не пролетал и десяти сантиметров — таял, столь же стремительно гас блеклый огонек его взгляда. Клеопатре всегда казалось, что у Кушика пахло изо рта так, что она бы не смогла вынести и секунды вблизи его черных губ. И таков был первый лауреат звания «Слово не воробей»! А ведь прилагавшаяся к этому лауреатству премия была на порядок больше тех жалких вагонов с мозговыми косточками, которыми добрые меценаты баловали и как-то поддерживали собачьих баянов и гомеров.

Кстати, Баян и Гомер тоже были здесь: две совершенно одинаковых по росту и габаритам таксы, только Баян — длинношерстная, а Гомер — гладкошерстная. И это были враги, представители двух противостоящих организаций: одна, ориентированная на западную плесневелую культуру, другая — нет, не на восточную — на собственную консервную банку, в которой иногда тоже встречались вкусные и полезные кусочки.

Что уж и говорить о том, что союз между двумя бездарными собаками из разных лагерей был невозможен. Где-то вытанцовывал Цезарь.

— Клео, бойся этого брюнета, — шептали ей возбужденные всей этой организационной суетой приятели, — ты же сейчас спалишь его своими взглядами. Да кто он такой?

Но остановить Клео было уже невозможно. Она чувствовала, что волны страсти подхватили и несут ее, безжалостно сметая все на своем пути. Клео дергала во сне передними лапами, перебирала задними, словно гарцевала на перламутровом облачке своего небытия.

Сколько она спала, никто не знает, но вдруг в ходе сновидения произошел какой-то сбой, и вот что случилось: участники форума собачьих писателей поплыли перед глазами колли, потом закружились вокруг нее, набирая скорость, превращаясь в бешеный водоворот, в одну размытую вращающуюся арену... И неожиданно перед ней высветился проход, в конце которого стоял Он. Клеопатра четко осознала во сне, что должна идти к нему, и она двинулась по яркому и густому, почти плотному, свету, который затмил все вокруг. Лишь иссиня-черный кудрявый ангел стоял перед ней и протягивал к ней руки. Она приближалась... Но что это? По мере ее приближения она становилась все больше и больше ростом, а тот, к кому она стремилась, катастрофически уменьшался, становился крошкой... Наконец, Клео подошла вплотную к своему избраннику и посмотрела на него, как смотрят на собственные мыски. Тут она вздрогнула — и проснулась.

Солнце пекло вовсю, смятые астры пахли отвратительным запахом умирающей травы. Клео чувствовала, что у нее есть все

основания разрыдаться, но разве умная собака станет выть, когда солнце уже над головой?

Над явью довлела страшная мысль: сегодня ночью Цезарь не приходил. Отчаянье сдавило горло Клео, она замотала головой, и ее персональная цепь насмешливо зазвенела в ответ.

4.

Часто так бывает, что в идиллическую картину нашей действительности вмешивается злой рок.

Любой хаос, как говорят некоторые философы, идет на пользу эволюции, потому что равновесная система не может дальше развиваться. А вот как только приходит некто, кто нарушает равновесие, система наконец-то определяется, в какую очередную историю ей скатиться. Так, наверное, живут все существа на планете.

За миллионы лет существования мы поняли, как надо жить, чтобы быть всем довольным, как получить счастье и любовь, как радоваться тому, что есть... Для этого нужно просто механически договориться и действовать по правилам. Но когда все идет по правилам, все на самом деле стоит на месте. Так думала Клеопатра, удаляясь от смятой клумбы, чтобы хозяйка, вернувшись от Демократа, чего доброго, не стала упрекать ее за погубленные астры. Астры, кстати, через полчаса распушились, а через час

и вовсе подняли головы к солнцу, словно и не лежали под собачьим жарким боком всю ночь.

Клео тосковала по шпицу, изнывала от желания прикоснуться к нему. Она совершенно не винила его в том, что он не пришел сегодня, она не вспоминала Чука, потому что необычный огонь, разоженный Цезарем, доводил ее до обморочного состояния. Цезарь разбудил в ней те темные, могучие силы душевного хаоса, которые рожают новое сознание, позволяют открывать новые миры, новые чувства в себе.

...С утра из окон дачи Демократа доносилась красивая оркестровая музыка. Это Марианна принесла вчера своему возлюбленному старый радиоприемник, который, к огромному удовольствию Демократа, ловил только одну волну, транслировавшую классическую музыку. Так как Демократ был беден, он по-детски, даже в чем-то по-детдомовски, радовался любому проявлению щедрости.

Шпиц вышел на крыльцо и лег на живот, греясь о раскаленные солнцем доски.

— Как спалось на цепи? — любезно спросил он Чука, всячески показывая, что вчерашняя дуэль стерлась из его памяти.

Чук отвернулся и стал разглядывать тот участок дачи, куда не проникал солнечный свет. Лес там был как настоящий, многие даже думали, что там и забора-то нет, и участков. Но там была и калитка, и другие дачи, вернее, дачные «зады».

— Твоя пассия вот тоже мается на цепи вторые сутки, — вздохнул шпиц, — даже не знаю, как ей помочь.

Чук напряг уши и развернул их к Цезарю.

— Пробраться-то я на участок могу, но против цепей я, брат, бессилен. А с другой стороны, женщине на цепи самое место. Шучу-шучу!

Цезарь поправил лейкопластырь на шее, встал и побежал к дороге. Скоро он скрылся в парке детского санатория. Чук не находил себе места. Фуги Баха теперь раздражали его, звон цепи болью отзывался в сердце. Он тянул цепь, пытался вырвать кольцо, вбитое в дерево, даже тащил его зубами, — ничего не помогало. И тогда в отчаянье он стал грызть звенья цепи, и вдруг понял, что они сделаны из мягкого металла. Он вставил свой клык в стык двух звеньев и нажал. Не успел затрещать зуб, как стык разъехался — достаточно, чтобы звенья разъединились.

С обрывком цепи на шее, но Чук все же был свободен! Прижав уши и хвост, пружиня на всех четырех лапах, он пробежал под окнами и рванул за калитку. Со всех ног он понесся к даче Клеопатры. Не раздумывая, он ринулся в калитку, но та оказалась запертой. Тогда он разогнался и перепрыгнул забор. (Если бы Чук задумался хоть на секунду, то понял бы, что собаке его габаритов никогда не подпрыгнуть так высоко. Но

ему некогда было задумываться!) Он заметался по участку, увидел, как сверкает на солнце леска, по которой ездит конец цепочки, а сама цепочка уходит куда-то в кусты флоксов и смородины. Чук перемахнул через них и приземлился на Клеопатру.

— Что же ты не позвала на помощь? — спросил он.

Клео пожала плечом, отряхнулась, потупилась.

— Сейчас я тебе помогу, я умею, я справлюсь, — засуетился Чук.

Он приноровился и повторил фокус с разжиманием звеньев, правда, на этот раз вместе с колечком цепочки выпал на траву и его многострадальный клык. Чук махнул лапой и сказал, что так даже удобнее выкусывать блох.

Клео была свободна. Она сдержанно лизнула Чука в нос, и они побежали задами к потайной калитке и, миновав несколько дач, оказались напротив входа в детский санаторий. На ступеньках санатория шелестела опавшая листва, ветер носил ее по аллее и по детской площадке. Два обшарпанных льва с отбитыми носами смотрели на них сверху вниз. Чук и Клео не стремились в общество себе подобных, они были изгоями, но они были свободными. И понимали, какое это счастье — быть свободными!

Вдруг в высоком проеме окна усадьбы медленно проплыла тень. Очертания показали Клео знакомыми.

— Там кто-то есть, — прошептала она на ухо Чуку.

— Сейчас посмотрим, — рыкнул он и направился внутрь.

Пустынный зал пересекали полосы света. Старый паркет вонял гнилой древесиной. В дальнем углу что-то сверкнуло, Чук выждал и направился туда. В углу он обнаружил сухой топчанчик, накрытый фуфайкой. Фуфайка пахла Демократом. Это показалось странным Чуку, но еще более странным было обнаружить возле топчана фонарик и высокую стопку бумаги. Это была рукопись. Точнее, это были стихи, тысячи стихов! Кто же это тут натворил столько дел? Чук позвал Клео, и показал носом на рукописи. Клео заглянула в тот листик, который лежал сверху, и прочла вслух:

В живительной глуши заброшенного парка,
Где ночью ни души, над мостом гнется арка,
Тебя я встретил, Клеопатра, взойдя на мост,
В сиянье звезд...

Устав от холода и мрака,
Я понял вдруг в ночи глухой:
Что ты не просто так... собака...
Но ангел мой.

Клео прослезилась, посмотрела на Чука, развернулась и со всей своей легкостью и прытью, почти взлетая, помчалась к даче Демократа. Она даже не заметила, что схватила, убегая, листок со стихотворением.

О! Она была из тех редких собак, которые понимают, что такое поэзия! Она знала, что нет более высокой степени проявления божественного на земле, чем мысль, облеченная в стихотворение! Теперь она была уверена, что жизнь свела ее не с темной силой неведомого низкого существа, а с гением, которому небесами дано проникать в суть явлений и предметов. И она бежала к нему!

Цезарь долго и пристально смотрел на Клео, задыхающуюся от долгого бега и волнения.

— Это ты писал, я знаю... — только и сказала она.

И он показался ей огромным, великолепным, самым красивым шпицем на земле. И неважно было, что она в три раза крупнее; что она, как и ее знаменитая египетская (хоть и с некоторым кошачьим оттенком) тезка, сама эталон неземной красоты; и неважно, что она — лишь декорация к течению чужой жизни, потому что не умеет так писать.

...В старом парке, где было найдено стихотворение, прочитанное влюбленной Клео, в разрушенном особняке, посреди огромного затхлого зала сидел большой матерый пес. Он смотрел в потолок и плакал, потому что знал, что его мечта о любви и тепле теперь никогда уже не осуществится. Он увидел, как эта его мечта рассеялась, опустошив его до дна. Слеза за слезой таяли в

его шерсти, но вскоре, наполнив всю шерсть до краев, потекли по морде, и на полу заалела в закатном свете лужа его слез. К вечеру Чук ослеп. Он не видел ничего перед собой, только красные и фиолетовые круги сводили его с ума своим движением. Он, неуверенно ступая, пошел на запах ночной росы, ночных мотыльков и свежесотканной от куста к кусту паутины. Потом он уперся носом в решетку ограды и повернул направо, решив, что ворота именно в той стороне. Он не пугался своей слепоты и не роптал на жизнь.

В сущности, он ничего не потерял, поэтому ему, казалось бы, нечего было и горевать. Он всего лишь — не приобрел. Разве горечь может возникнуть от того, что ты не приобрел нечто неведомое, неосязаемое? И если ты жил без счастья все свои пять лет, то, значит, без него можно жить и дальше...

Отчего же так муторно было на сердце у Чука? Отчего так невыносимо было переставлять ноги, цокать длинными когтями и загрузбелыми, окостенелыми подушечками по асфальту проезжей части улицы Серафимовича? Неужели счастье так необходимо ему для продолжения жизни? Где сейчас Клео? Кто этот таинственный поэт, принесший ему столько мучений?

И вдруг он понял. Понял удивительный парадокс русской литературы: гений и злодейство — совместимы. Более того, гений не только оправдывает, но и стимулирует

злодейство. Конечно, потом надо будет заплатить, но зато в этой жизни можно повеселиться и сорвать волшебные цветы, даже, если это будут цветы порока.

Вдалеке на ночной дороге зашелестела стремительно приближающаяся машина. Чук не знал, куда ему идти. Он не знал, где находится, с какой стороны дача Демократа и главреда, в какой стороне дача Клео. Он только успел повернуть голову на звук выпрыгнувшего из низины автомобиля, и большая темная сила увлекла его в небытие, выключив все звуки и движение жизни, в которой не каждому удается встретить счастье.

Эпилог.

Демократ смотрел футбол так же, как и обычные мужчины, — болезненно, горячо, с надрывом. Марианна приносила ему чай, мед, сигареты, спички, но в каждом ее движении навстречу футболу сквозило желание привлечь к себе внимание мужчины.

— Козлы, дай пас этому уроду! — кричал Демократ, машинально стуча по ягодцам или икрам Марианны.

На даче в Баковке ситуация складывалась еще драматичнее, потому что там телевизор был дороже. Ведь логично предположить, что, вложив в телевизор не просто три последних взятки, а совесть чиновничьего аппарата Российской Федерации, да еще и с негативными последствиями для доброй

половины всего домашнего скота, ты можешь рассчитывать на то, что сборная твоей страны выиграет состязания! Поэтому Владимир Эрихович Б. хлопал широкой ладонью по бурлящей воде, да так, что брызги летели на экран.

Мокрые футболисты были совершенно вымазаны английской грязью, а Владимир Эрихович Б., все сильнее сжимал стакан с виски, все чаще подливал себе, не замечая, сколько уже выпито. Он не заметил даже, как вода в джакузи стала нестерпимо горячей, и сам он стал красным, как рак, а всю ванную комнату заволокло паром. Когда экран совершенно утонул в жарком тумане, а шум бурлящей в джакузи воды слился с шумом трибун, Владимир Эрихович Б., уже не мигая, лежал, раскинув руки по бордюру ванны, выпустив стакан из мертвых пальцев, уставившись в одну точку: там, в клубах то ли лондонского тумана, то ли местного адского пара, бегала по полю собака, очень похожая на погибшую. Она лаяла на российских футболистов, и перед смертью Владимир Эрихович Б. успел даже подумать, что она правильно лает: счет был катастрофически не в нашу пользу.

ДОКТОР ЧЕРВИ И ЛЮБОВЬ

Когда Лев Шилов, председатель полупролегалной фирмы, тусующейся возле некогда Государственной студии звукозаписи, привычно принимал роды у своей кошки и в руки ему ткнулся мокрый слепой комок, он, человек творческий, торгующий голосами Толстого, Есенина, Ахматовой, Блока, художник звукового валика, не мог и предположить, что история котенка, которого он только что закутал во фланель, будет настолько невероятной. А если бы предположил, то запросил бы за него не пятьдесят рублей, а, по крайней мере, пятьсот — как раз столько, сколько стоил и сам председатель, и вся его фирма вместе с кошками, которых он разводил в помощь своему основному бизнесу.

Котенка выбирали втроем: молодой человек прибыл в этот дом со своей матушкой и крошечной полугодовалой собачкой борбончиночьей породы по имени Штучка, которой, соответственно ее темпераменту, и подбирался четвероногий приятель.

Все малыши были черными, и котенка поэтому решено было назвать Агатом,

в честь небезызвестной писательницы, глядевшей на мир через черные очки distinguished мсье Эркюля.

Собака, которую опустили на пол перед кошачьим лукошком, удивленно взглянула на копошащихся невиданных зверюшек и вдруг схватила одного из них (выбрала), за что тотчас же получила от мамы-кошки лапой по носу.

Тем не менее, выбор был сделан, и теперь уже вчетвером — молодой человек, его мама, собака Штучка и крошечный Агат — отправились восвояси. И надо отдать должное собаке, она не обиделась на маму-кошку, а стала ласкать своего нового братика, всячески давая ему понять, что жизнь его будет отныне ничуть не хуже, а может быть, даже лучше и веселее, чем раньше.

Довольно скоро Агат вырос и стал большим черным котом. Он носил белый галстук и белые сапожки, терпеть не мог магазинной еды и любил слушать по телевизору передачу «Российские вести». Но, несмотря на некоторый демократизм воззрений, он был очень красив и нравился всем невероятно, оттого его политические убеждения мало кто принимал всерьез.

— Когда я был моложе, — сказал доктор Черви, недавно приехавший из Италии, грузно усаживаясь в кресло, — я очень любил своего кота Кожакко. Он был совсем не такой, как ваш, — по-видимому, ирландс-

кий лесной; он был белый, пушистый и толстый, с черным, а не белым, галстуком и в черных сапожках.

И, глядя на никчемность нашего закатолицированного общества, неспособного к серьезным стремлениям, я, человек одинокий, решил сделать коту карьеру, ибо он того стоил. Мне почему-то очень хотелось, чтобы мой Кожак стал чемпионом среди котов Италии.

Доктор Черви на самом деле не был кошатником. Не принадлежал он и к числу бездумных поклонников четвероногих. Он был солидным человеком и бизнесменом, и частые его визиты в Москву говорили о том, что дела его идут неплохо.

И надо сказать еще кое-что, весьма важное, о докторе Черви: его воспоминания о далеком Кожак не были воспоминаниями сентиментального преуспевающего джентльмена, просто рядом с ним в момент «кошачьего» разговора сидела дама его сердца, в которой ему нравилось все: и ее волосы, и глаза, и одежда, и мысли, и даже ее окружение, включая кота Агата.

Глядя кота, доктор говорил много всякой влюбленной чепухи, которую обыкновенно говорят в обществе обожаемой женщины. Разговаривая с котом, он разговаривал тем самым с ней, а глядя кота... Впрочем, кот внезапно и не ко времени почувствовал тревогу, с коленей доктора Черви соскочил и пошел куда-то, не оглянувшись,

поэтому и не знал, чем там закончилось поглаживание.

А доктор Черви был серьезен как никогда. Он уже несколько месяцев представлял себе свою ущербность от постоянного отсутствия счастья, ибо понимал, что это счастье может дать не положение в свете, и не счет в банке, а только любимая женщина, а ее, в свою очередь, не заменят ни деньги, ни виллы, ни даже вес в обществе.

Доктор Черви сегодня делал предложение — он предлагал воздушной фее своего сердца перед началом серьезной и счастливой жизни провести лето в Италии. Он детализировал свой план, не забывая мелочей, чем совершенно свою даму и покорила. В его плане нашлось место даже коту Агату!

— Я узнавал на таможне, — сказал доктор Черви, прижимая руки возлюбленной к своим уставшим глазам, — к сожалению, советский кот не может быть увезен за границу даже в гости. Но нет такого предприятия, — добавил он поспешно, — которое я не сделал бы для тебя, моя ненаглядная.

Агат не стал есть положенную ему в кухне рыбу и на часто произносимое из кабинета огромным доктором Черви свое имя не реагировал. Имя произносилось с акцентом. Рыба была отвратительна, и вообще, если честно, ему не нравилась страна, в которой частенько просто невозможно было достать молока.

Немолодому, но счастливому доктору Черви, наоборот, страна, осененная лаской его поздней возлюбленной, нравилась безумно. Он готов был строить здесь даже убыточные заводы, чтобы еще раз, и два, и много раз приезжать сюда, в столицу некогда сильного государства, и, не обращая внимания на отсутствие элементарных удобств, столь необходимых привыкшим к ним жителям Европы, хватать в аэропорту из-за отсутствия такси левака за блок западных сигарет и мчаться к своей фее, упиваясь чувством, которое пришло к нему поздно, но ведь пришло же. А заводы вполне могут развалиться и без его участия.

Едва сев в самолет, он начал тосковать по России и ловил себя на том, что все планы своей будущей жизни, сколько лет отпустит им святая Мария, он строит с учетом выстраданного за долгую одинокую жизнь и вдруг блеснувшего напоследок счастья.

В аэропорту «Мальпенсо», на платной стоянке доктора Черви ждала серебристая «Альфа-Ромео». Будучи бизнесменом, а значит, деловым человеком, доктор Черви правильно рассчитал, что думать о своей царице он сможет и в самолете, и в собственной машине, услышать ее голос — только в машине, если позвонит ей оттуда по телефону. А вот полистать план дел, которые необходимо сделать в ближайшее время, чтобы побыстрее вернуться в Россию, надо

теперь: сидя за рулем, он не сможет сразу и вести машину, и разговаривать с Москвой, и листать свой план, даже несмотря на то, что его машина устроена так и напичкана таким количеством электроники, что часто позволяет своему хозяину не отвлекаться на дорогу от сладостных мыслей.

Тем не менее, доктор Черви не хотел рисковать.

В длинном перечне дел, занесенном в кожаный блокнот, он увидел много разной муры и вспомнил, что на этой неделе ему предстоит и получение ссуд от имеющих с ним общие *soldi* предприятий, и заказ билетов на «Аль-Италию», чтобы вернуться в Москву, и обзвон партнеров (это сделают помощники), и обхаживание юриста, все еще не дающего «добро» на перспективный проект.

Первый пункт плана сразу привлек внимание. Цифра «один» была обведена красным фломастером. Первое — кратко — «Агат».

В то время, когда изящный, легкий, огромный самолет «Аль-Италия» уже бежал по земле, намереваясь вот-вот остановиться, чтобы доктор Черви мог поскорее дойти до машины и соединиться по телефону со своей ненаглядной, в голове доктора уже созрел замечательный план решения маленькой четвероногой проблемы, к которой доктор Черви относился весьма серьезно. Доктор даже на секунду не допускал мысли, что,

в сущности, этот кот ему не нужен; он был тонким человеком и знал, что, когда мы любим женщину, мы любим и в ней, и вокруг нее — все.

Доктор Черви прибыл на свою виллу в превосходном настроении, ведь в машине, за три тысячи километров от ненаглядной, он услышал слова любви. Это придало ему сил, поэтому, решив не откладывать дело в долгий ящик и отдав несколько распоряжений клеркам, он пересел в машину попроще, и на ней уже отправился к ветеринару, собираясь решить несколько важных вопросов.

Здесь доктору Черви повезло даже больше, чем он рассчитывал. Ветеринар умел делать не только прививки, но и прекрасно ориентировался в деле, значительней которого сегодня для доктора Черви не существовало.

Ветеринар объяснил почтенному бизнесмену, что надо делать, и даже не взял с него за совет дополнительного гонорара, потому что давно, как он сам сказал, не видел таких восторженных глаз.

Доктор Черви поехал домой.

И появился в ветклинике только через три дня, ибо за эти три дня он объехал все, какие были в его городе, кошачьи питомники и живодерни; объехал и всех знакомых, у которых мог бы быть товар, столь необходимый сегодня итальянскому предпринимателю.

Во второй визит перед словоохотливым ветеринаром предстал высокий плотный джентльмен в хорошем костюме, с большой кастрюлей в руках. Едва ветеринар приподнял крышку, из кастрюли прямо на него не выпрыгнул, не выскочил, а брызнул отвратительный бурый котище...

— Кес ке се? — почему-то по-французски спросил доктора Черви ветеринар.

— Это мой кот, Кожак, — любезно ответил тот, не придумав новому коту другого имени, — мой любимый кот. Он жил со мной на вилле, поэтому не обращайтесь внимания, что он немного диковат. Мне предстоит далекое путешествие, поэтому я пришел к вам — не могу надолго расстаться со своим любимцем. На вилле мы не регистрировали его, а вот сейчас я прошу вас сделать ему необходимые прививки и выдать документы, которые мне понадобятся, когда я буду проходить таможенный контроль. Мы едем за границу.

— Куда же? — поинтересовался ветеринар, пытаясь отыскать слетевшие очки и с опаской поглядывая на страшилище, забравшееся по полкам на самый верх книжного стеллажа.

— В Россию, — ответил доктор Черви.

— В России таким экстремистам самое место, — произнес обиженный ветеринар, насмотревшийся телевизионных репортажей о развале СССР.

Тем не менее, их разговор тек по лирическому руслу. А вот будь очки по-прежнему на ветеринаре, от него, несомненно, не укрылись бы свежие царапины на руках доктора Черви, полученные сегодня утром, когда доктор гонялся за своим «любимцем» по одной из самых престижных помоек Милана возле городской тюрьмы.

Загоняя бурого беса, доктор был движим одним желанием: поймать кота, оформить на него документы, привезти в Россию, там выпустить, а уж по этим документам вывезти в Европу скромного домашнего котика его любимой избранницы. Доктор Черви и не предполагал, что таким образом вывозят в другую страну шпионов.

Визит в клинику закончился удачно. Кот был пойман и посажен, вместо кастрюли, в найденную в офисе просторную клетку, специально предназначенную для транспортировки наших зверячих братьев; было и выдано удостоверение, что коту не возбраняется посетить златоглавую Россию. С лихвой расплатившись, чтобы масть кота в документах значилась черной, доктор Черви почел свою задачу выполненной.

Сквозь кордон встречавших итальянский рейс на площадь Шереметьевского аэропорта вышел высокий плотный человек с улыбающимися глазами.

В одной руке у него был чемодан, в другой — странное сооружение, из которого выглядывали дикие кошачьи глаза.

Прежде чем нанять такси, доктор Черви прошелся немного по площади.

Кто знает, о чем он думал в этот момент. Может быть, думал о каком-нибудь Пуффино, который был у него в детстве, а может, и о коте Кожакко, который тоже когда-то был, но не принес ему счастья, хотя и стал чемпионом... А может, и об этом разбойнике, с которым он за последние дни подружился. Во всяком случае, доктор не думал о том, что этот кот не знает языка русских кошечек и не сможет здесь выжить. В России, если любишь, можно выжить всегда! И он поставил клетку на талый снег и открыл дверцу. Бурое чудовище вышло из клетки медленно. Оно жестко посмотрело на доктора Черви и медленно пошло прочь, не оглядываясь.

— Киска, — вдруг вспомнил доктор Черви, — ты же забыл угощение!

И с этими словами бизнесмен вынул из кармана пальто целое кольцо мягкой итальянской колбасы, которую сегодня утром в аэропорту Мальпенсо купил специально для этого кота за четырнадцать тысяч лир.

Читатель, конечно, уже понимает, чем закончилась эта в высшей степени правдивая история.

Да, вы угадали, Агат действительно по чужим документам был вывезен в Италию, но свободного западного мира не понял. Дня три он прожил в четырехзвездочном отеле

со своей хозяйкой и ее обожателем, а при переезде в пятизвездочный — вдруг исчез.

Дама сердца доктора Черви была безутешна, но ровно настолько, чтобы дать возможность провидению самому распорядиться судьбой кота, — ведь если судьбы всего живого написаны на небесах, то, может быть, и не стоит вмешиваться в эти судьбы. Ее больше волновали царапины на руках мужа.

Однако всякому читающему наверняка любопытно было бы узнать, а по какому праву автор так легко и вольно распоряжается судьбой не только людей, но и кошек.

Им я хотел бы сказать: по праву сочинителя. Я и сам некогда совершал путешествия за границу на самолете, и в одной из таможенных кабинок однажды увидел огромного откормленного бурого кота. Того самого, которого доктор Черви привез и выпустил в России! Харчи российской таможенной службы пришлось по душе завсегдатаю итальянской помойки. А русские кошечки, как известно, ценятся во всем мире.

Да не осудит меня читатель за то, что не рассказал еще самого главного! Сейчас расскажу.

Месяца через четыре доктор Черви, заметно помолодевший, вместе с женой вернулся в Москву, и их московская квартира стала постепенно приобретать некоторую итальянскую завершенность, где чете раз-

ноязыких супругов под недремлющим руководством собаки Штучки и вседержительной судьбы ничего другого не оставалось, как только пестовать свое счастье.

Путь по прямой от Милана до Москвы — особенно пешком — удивительно далекий, к тому же очень трудный: надо пройти Австрию и Венгрию, а если не знать дороги, то и Польшу; а если еще и газет не читать, то даже Белоруссия с Украиной могут в таком путешествии показаться странами.

О, если бы кот Агат умел говорить, хотя бы как мы с вами, он рассказал бы невероятное количество занимательных и поучительных историй, которые произошли с ним на обратном пути.

Но об одной я поведаю вам, ведь Агат неспроста рассказал ее своей подруге — собаке Штучке, а уж она по простоте душевной шепнула мне.

Когда до Москвы оставалось совсем немного, Агат, проделавший последние шестьсот километров вдоль Минского шоссе, присел отдохнуть на тяжелую от копоты придорожную траву и был поражен непривычным шумом, который он, впрочем, без труда узнал, потому что часто слышал его по телевизору. Это был железный шум тяжелых танков. Агат поднял голову и увидел, что по дороге, через которую он должен был перебежать, ползут страшные машины.

Будучи по натуре своей, как уже было говорено в начале, демократом, кот сообразил, что тут что-то не так: не могли же они выползти из телевизора, да и праздника никакого не предвиделось. Он посмотрел по сторонам и увидел клумбу, на которой цветами была выложена дата «19 августа 1991». Возле клумбы стоял человек с лейкой и громко повторял слово «путч». Что оно означало, Агат не знал, но, решив, что это что-то вроде «брысь», и повинуясь скорее инстинкту туриста, чем осторожности путешественника, бросился наперерез танковой колонне, и, не оглядываясь, помчался к дому.

Увидев черного кота, водитель первого танка, естественно, затормозил. За ним встал другой, третий, десятый, сороковой...

...С того времени прошло много дней. Каждый за это время успел поставить себе в заслугу победу демократии в России, но мы-то с собакой Штучкой наверняка знаем, кто был тот истинный герой, рисковавший черной шубкой в трудный для Родины час. И неужели же мы не простим его за то, что он по скромности своей ни разу не выступил по телевидению?

...Мы не будем его осуждать еще и за то, что, пройдя три тысячи километров через пол-Европы, голодный, грязный, битый, раненый, он все-таки нашел в себе силы забраться на открытую форточку своего московского дома. Ну, не рассчитал немного,

не попал на стул или в кресло, а плюхнулся прямо в брачную постель, в которой только-только угмонившаяся Собака Штучка вновь закатила истерику, но теперь уже радостную, — по поводу возвращения из долгой заграничной поездки ее пушистого братика, отказавшегося от сытой бездельности итальянского мещанина ради нищенства в голодной России.

Остается последнее: решить, будем ли мы с вами осуждать директора Музея Корнея Чуковского в Переделкино Льва Шилова, председателя объединенного холдинга по торговле кошками и голосами классиков одновременно, который, прочитав рассказ о своем питомце, тоже захотел совершить вояж за границу с чужим паспортом. Даже кастрюлю приобрел!

ГОЛОС СОБАКИ

А потом собаки не стало. Моей собаки...

Собаки у меня нет. Я даже кошке иногда говорю: «Люся, у нас с Тобой нет больше собаки».

Собака для меня была и нянькой, и наставницей, и вдохновительницей. Ей я обязан и тем, что все в моей семье хорошо, и в карьере, и с ученой степенью, и даже в умении чуточку выживать в этом мире. Она отвращала меня от неприятностей. Она брала их на себя. Она ушла из этого мира, любя и благословляя любовь.

Потрясающе, но как может маленькое пуделячье существо так влиять на человеческую жизнь, вмешиваться в наше состояние души, обеспечивать ему равновесие.

Оставаясь с собакой вдвоем, мы вели непринужденные разговоры. Она слушала, иногда ловила фальшь моих слов, и я тотчас же поправлялся и старался больше ее не обманывать.

По жизни она кого-то укусила, как потом оказалось, несильно, но поделом. А очень многим доставляла радость...

Была провидицей. Вернее жила на несколько минут раньше меня и отвращала беду. Она работала...

Помню, я как-то открывал бутылку шампанского, и вдруг она — еще совсем щенок — с визгом опрометью бросилась из комнаты. Мне показалось, что ее укусила оса. Ничего другого я предположить не мог. Она внезапно завизжала. Стояло лето. Было много цветов и запахов...

Я выскочил за ней. И в ту же секунду за моей спиной раздался взрыв. Я до сих пор, хотя прошло почти 20 лет, нахожу осколки той бутылки в книжных стеллажах...

Собаки давно нет. Но я часто слышу ее голос. Она продолжает отвращать от меня неприятности, предлагать мне условия, создавать мне ауру. Когда под утро пришла Л. и попыталась забраться в мою постель, лай собаки был настолько силен, что я постелил Л. в другой комнате, а утром отправил ее. Два месяца спустя Л. призналась мне, что была больна...

Лай собаки я слышал и при переезде в новое здание. Наш департамент решили перевести в современные апартаменты. Но отчего-то не было куража. Три месяца я тянул с переездом, пока работяги не убрали случайно забытый в только что отделанном офисе контейнер с изотопами...

Голос собаки я часто слышал в дороге, сбавлял скорость и оттого, к счастью, не попадал в мясорубку дорожных инцидентов...

Собака, часто одна оставаясь дома, понимала, что рассчитывать не на кого, и умудрялась следить за порядком. По телефону сообщала о проблемах. Приучена была, если раздается телефонный звонок, снимать трубку и тотчас же класть ее на рычаг. Это означало, что все дома в порядке. Если трубка ложилась мимо, значит, есть проблема, которую она самостоятельно решить не может.

Однажды я так позвонил, и трубка осталась неположенной. Я сорвался с работы и успел вовремя. Кошка Люська полезла на шкаф и запуталась лапой за нитяную авоську, в которых тогда во многих домах хранился репчатый лук. Слезть не смогла, порвала в кровь коготь, орала, конечно. А тут мой звонок. Штучка не положила трубку. В трубке я слышал возню и крики Люськи. Примчался, конечно, тотчас же. Люська потом еще много раз лазала на шкаф, сбрасывала Штучке конфеты из коробки.

Знала, что ее мама-собака их любит.

Почему мама? На это есть особая история.

Как-то, после рождения и выкармливания четверых щенков, Штучка отправилась с нами на птичий рынок немного развеяться. Она с удивлением рассматривала там разных диковинных зверей и птиц, и вдруг остановилась перед лукошком, наполненным крошечной кошачьей живностью. И пока раздумывала, один котенок обнял ее.

Так у Штучки появилась дочь. Она выкормила ее и воспитала. Иногда баловала.

Знала, что Люська любит рыбу, и по возможности добывала ее из сумок гостей, пока те пили чай и говорили о своих проблемах, оставив сумки с продуктами в коридоре...

Очень важным занятием в жизни моей собаки были экзамены в университете. Она серьезно и внимательно следила за аудиторией, мастерски игнорировала сюсюканье и неискренние комплименты, обнаруживала шпаргалки, словом, великолепно вела семинары в университете, где я профессорствовал. Иногда я ставил ее на преподавательский стол, тогда она обводила взором притихшую аудиторию — это был ее коронный номер.

Казалось, она прекрасно понимала, что ее избранника ждет что-то очень хорошее. Предпочитала облагодетельствовать женщин, видимо, полагая, что мужчины и так вызубрят пенитенциарную систему России. Она хватала зубками чью-нибудь зачетную книжку, из тех, что были разложены на столе, и это сулило фортуны. По устоявшейся традиции я немедленно ставил счастливицу автоматическую «пятерку» или «зачет».

Однажды какой-то заочник-таможенник, решив купить счастье, натер свою зачетную книжку колбасой. Штучка демонстративно проигнорировала взятку, немедленно нашла мошенника и, под общий хохот аудитории, лаем изгнала его вон. Хотя

в принципе, памятуя свои путешествия по Европе, к таможене относилась неплохо.

...Выбирать новых сотрудников для своего департамента трудно. Красивые, веселые, молодые, с дипломами. Кого выбрать?

И вдруг одна перепуганно хлопает глазами:

— Помните, мне ваша собака зачет поставила...

И поскольку к этому времени собака уже прожила свою земную жизнь, я завел в своем департаменте именно Вику.

Потом я научил Вику работать, выдал замуж и заставил родить человека. Она теперь говорит, что совершенно счастлива. И, поздравляя меня пару раз в год с праздниками, обязательно заводит разговор о собаке. Это мне приятно.

Я продолжаю жить на этой земле: люблю людей, пишу книги, учу студентов, служу Отечеству, и постоянно «витаю в облаках». Те, кто так думает обо мне — имеют на это право.

А на самом деле, это не облака — это моя Штучка: я просто хочу всем помочь, и потому прислушиваюсь к голосу моей собаки. И, когда голос является в моем сознании, я счастлив и делаю меньше ошибок.

И тогда на этом свете, полном чужих собак, чужих глупостей и чужих фантазий, мне становится не так грустно и одиноко.

Труды С.П. Лукницкого

Научные работы

1. Проблемы взаимодействия правоохранительной системы и СМИ. Алгоритмы взаимодействия. Монография. М., изд-во КЛ, 1995.
2. Информационная ниша антимонопольной политики. Монография. М., изд-во КЛ, 1996.
3. Вопросы взаимодействия властных структур и СМИ. Монография. М., изд-во КЛ, 1996.
4. Государственные антимонопольные органы и печать. Взаимодействие, проблемы и перспективы. Монография. М., изд-во КЛ, 1996.
5. Государство и информация. Правовые вопросы взаимодействия. Монография. М., изд-во КЛ, 1996.
6. Печать и политика. Монография. М., «Спас», 1997.
7. Средства массовой информации как социальный институт. Монография. М., «Спас», 1997.
8. Средства массовой информации в системе социального управления современной России. Монография. М., «Спас», 1998.
9. Россия и печать: век антиСМИитизма. Монография. М., «Правовое просвещение», 1998.
10. О деятельности Международной конфедерации обществ авторов и композиторов (CISAC). Статья. «Интеллектуальная собственность», М., 2000, № 4.
11. О совершенствовании законодательства в области авторского права и смежных прав. Статья. «Интеллектуальная собственность», М., 2001, № 2.

12. Уголовно-правовые последствия неисполнения законодательства об авторском праве и смежных правах. Статья. «Бухгалтерский учет», М., 2001, № 9.

13. Уголовно-правовые аспекты совершенствования законодательства в сфере авторского права и смежных прав. Статья. «Патенты и лицензии», М., 2002, № 1.

14. Средства массовой информации, как субъект авторского права. Монография. М., Роспатент, 2004.

15. Средства массовой информации, как субъект авторского права. Монография. Издание второе, дополненное. М., Роспатент — «Русский двор», 2006.

16. Средства массовой информации как инструмент социального управления объектами интеллектуальной собственности. Монография. М., «Русский двор», 2007.

Учебно-методические работы

1. ГКАП России и печать. Учебное пособие. М., изд-во КЛ, 1996.

2. Эксклюзивное право. Учебное пособие М., «Спас», 1996.

3. Государственные антимонопольные органы и СМИ. Учебное пособие. М., изд-во КЛ, 1996.

4. Уголовно-исполнительное право. Учебно-методическое пособие. М., Московский государственный открытый университет, 1999.

5. История и задачи правоохранительной и судебной системы по защите прав творческих личностей. Учебное пособие. М., Федеральный институт промышленной собственности.

6. Авторско-правовые вопросы в системе социального института интеллектуальной собственности. Учебное пособие. М., «Спас», 2003.

7. Гражданское процессуальное право. Учебное пособие. М., Роспатент, 2003.

8. Анализ данных социологических исследований (компьютерные методы). Методическое пособие. М., РГИИС, 2007.

9. Социология. Учебное пособие. М., РГИИС, 2007.

Художественная литература

1. Цветы вереска. Рассказы., М., изд-во ДОСААФ, 1984.
2. Было дело в понедельник. Повести и рассказы., псевд., Лениздат, 1988.
3. Записки из-под парты. Детские повести., «Час пик», СПб., 1990.
4. Я сказал: Да. Повести и рассказы., псевд., «Россия молодая», 1992.
5. Пари с начальником ОВИРа. Повести и рассказы., псевд., «АТОКСО», СПб., 1992.
6. Их собачья жизнь. Детские повести., «АТОКСО», СПб., 1993.
7. Веселенькая справедливость. Сатирические повести., РАН, СПб., 1995.
8. Начало Водолея. Роман., псевд., «Познание», М., 1995.
9. Импортный свидетель. Повести., «ЭКСМО», М., 1995.
10. Глоток мимозы. Стихотворения., псевд., «СПАС», М., 1996.
11. Дело Гумилева. Монография., «Спас», М., 1997.
12. Бином Всевышнего. Роман, рассказы., «Сударыня», СПб., 1998.
13. Это моя собака. Повести для детей и взрослых., «Русский двор», М., 2000.
14. Все будет отлично. Шалые повести., «СПАС», М., 1999.
15. Киллеров просят не беспокоиться. Роман., «Русский двор», М., 2000.
16. Это потому что ты... Роман., «Русский двор», М., 1999.
17. Выход из Windows. Роман., «Русский двор», М., 2001.
18. Балаганная проза. «Русский двор», М., 2001.
19. Преступнику удалось скрыться. Роман., «Русский двор», М., 2001.
20. Сочинения., «Спас», М., 2001.
21. «Есть много способов убить поэта». Документальная повесть., «Русский двор», М., 2002.
22. Веселенькая справедливость. Романы и повести., «Русский двор», М., 2004.
23. Переделкино, Дворец Дожей, корпус 3-Б. Детективная история., М., «Русский Двор», 2008.
24. Собачий файл. М., «Русский Двор», 2008.

Содержание

<i>О Сергее Лукницком (И. Золотусский)</i>	<i>5</i>
БАСНЯ О КОТЕ АНТОНЕ	7
ИНТЕРВЬЮ СОБАКИ ШТУЧКИ	22
СОБАКА ДОБРОЕ УТРО	41
ЧУК И КЛЕОПАТРА (дачная история)	50
ДОКТОР ЧЕРВИ И ЛЮБОВЬ	89
ГОЛОС СОБАКИ	103
Труды С.П. Лукницкого	108

Литературно-художественное издание

Сергей Павлович Лукницкий

Собачий файл

Оригинал-макет подготовлен издательством
«Русский Двор»

Ответственный за выпуск
С. Добрин

Изд. лиц. № 00853 от 25.01.2000 г.
Сдано в набор 17.07.08. Подписано в печать 27.08.08.
Формат 84х90/32. Тираж 1000 экз.

Издательство «Русский Двор»
129224 Москва, Осташковская, 30